Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» Faculty of Business Administration, University of Economics in Prague Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences Penza State Technological University Penza State University

HISTORY, LANGUAGES AND CULTURES OF THE SLAVIC PEOPLES: FROM ORIGINS TO THE FUTURE

Materials of the VII international scientific conference on November 25–26, 2018

History, languages and cultures of the Slavic peoples: from origins to the future: materials of the VII international scientific conference on November 25–26, 2018 – Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2018. – 52 p. – ISBN 978-80-7526-354-4

ORGANISING COMMITTEE:

Sergey N. Volkov, doctor of philosophy, professor, head of philosophy department in Penza State Technological University.

Viktor V. Kondrashin, doctor of historical sciences, professor of Penza State University.

Miroslav Sapik, PhD, assistant professor, vice-rector of Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences..

Eva Kashparova, PhD, research associate at University of Economics in Prague.

Bozhena Ivanovska, doctor of arts in the field of social science in the Institute of philosophy and sociology of Polish Academy of Sciences.

Boris A. Doroshin, candidate of historical sciences, assistant professor of the philosophy department of Penza State Technological University.

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines history, languages and cultures of the Slavic peoples. Some articles deal with problems of Slavic origin and ancestral homeland in special disciplines and interdisciplinary researches. A number of articles are covered socioeconomic and political development of Slavic countries. Some articles are devoted to ethnocultural and ethno-confessional relations in Slavic world. Authors are also interested in literature and art of Slavic nations.

UDC 94(367)

ISBN 978-80-7526-354-4

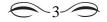
[©] Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2018.

[©] Group of authors, 2018.

CONTENTS

I. INTERNATIONAL RELATIONS IN SLAVIC WORLD: HISTORICAL RETROSPECTIVE AND CURRENT PROCESSES

V. INTERLINGUISTIC CONTACTS OF SLAVIC AND OTHER NATIONS

Fang X. Features of borrowings in Chinese and Russian
Котова Г. Г. Табличка из Кносса с изображением меча. Линейное письмо Б32
VI. LITERATURE AND ART OF SLAVIC NATIONS: DIALECTICS OF AUTHENTIC AND IMPOSED, NATIONAL AND UNIVERSAL
Шевченко Т. М. Наследие Мишеля де Монтеня и украинская эссеистика современности: точки взаимодействия
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 2018–2019 годах
Информация о научных журналах49
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»50
Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»

I. INTERNATIONAL RELATIONS IN SLAVIC WORLD: HISTORICAL RETROSPECTIVE AND CURRENT PROCESSES

ДИСКУРС РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ СЛАВЯНСКИХ ХРОНИК В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛЬСКО-ЧЕШСКИХ ОТНОШЕНИЙ

(на примере хроник Козьмы Пражского и Галла Анонима)

И. М. Басов

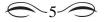
Студент-бакалавр, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Summary. This article reviews the representation of «ethnic» stereotypes in the Cosmas' and Gallus' chronicles. Also, there is considered the problem and peculiarities of the early medieval Czech and Polish identity. The article refers to the chronicles from the standpoint of «the internal criticism of sources».

Keywords: medieval identity; Cosmas of Prague; Gallus Anonymus; medieval chronicles; inter-Slavic relations.

Сhronica Boemorum Козьмы Пражского и Chronica et gesta ducum sive principum Polonorum Галла Анонима представляют читателю обособленные (во многом даже антагонистичные) дискурсы Богемии Пржемысловичей и Польши Пястов. Ангажированность хронистов по отношению к современной им политической элите есть явление вполне характерное для любого историописательного сочинения. Понятно и то, что в своих трудах Козьма Пражский и Галл Аноним отстаивали интересы монархов — Владислава I и Болеслава III соответственно. К тому же, на это наложилось стремление упрочить позиции некоторых иерархов Церкви и местных династов, что іп ѕитма дало определённую репрезентацию образов богемцев («чехов» в славяноязычной историографии) и поляков. Но актуален вопрос — влияло ли на чешско-польские отношения, помимо всего прочего, понимание языкового и культурного родства? Служила ли объединению сторон идея общего славянского происхождения?

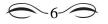
Взгляды Козьмы Пражского и Галла Анонима во многом продиктованы «политической» ситуацией 1-й четверти XII в. Перманентное противостояние Пржемысловичей и Пястов, взаимное оспаривание территорий – всё это отражено у хронистов, единых во мнении, что между Польшей и Богемией всегда существовали разногласия. Укореняя этот конфликт, вводя его в ретроспекцию, хронисты строят весь исторический нарратив на фундаменте чешско-польских противоречий. Трудно не прийти к выводу,

что авторы подбирают материал исходя из «национальных» интересов. Так, неоднозначная репутация [9, с. 17] Дубравки (ставшей, судя по всему, супругой князя Мешко ещё до его крещения), вероятно стала поводом к тому, что в «Чешской хронике» отсутствует упоминание как о христианизации Польши, так и о каких-либо отношениях с Польшей в этот период. Дубравка упоминается только в связи с её смертью в 977 году как «весьма бесстыдная женщина» [4, с. 69]. Имя Мешко под этим годом не фигурирует, он упоминается как некий безымянный польский князь [4, с. 69]. Галл Аноним же, напротив, крайне идеализирует Дубравку, транслируя легенду о том, как Мешко, будучи язычником, сватался к ней, на что она ответила отказом, и дала согласие только тогда, когда Мешко отрёкся от язычества [1, с. 32]. Однако легенда противоречит тому, что факт женитьбы князя датируется рядом источников 965 годом [9, с. 16].

Таким образом, Галл придаёт огромное значение крещению Польши. Козьма совершенно не рассматривает эпизод апостольской миссии в Польше, несмотря на роль чешского духовенства в данном историческом событии. Однако оба хрониста уделяют большое внимание описанию миссионерской деятельности св. Адальберта, епископа пражского. Ввиду богемского происхождения святого и большого его почитания в Чехии, Козьма подробно описывает жизненный путь Адальберта. Тем более странно, что лишь вскользь упомянута духовная миссия епископа в Польше, Венгрии и Пруссии. Зато большее значение придано взаимоотношению Адальберта с императором Оттоном II и майнцским епископатом [4, с. 79]. Очевидно, в этом отражаются личные интересы чешского хрониста. Небезынтересно упоминание святого у Анонима: «Он [Болеслав Храбрый] также с большим почетом встретил пришедшего к нему св. Адальберта, претерпевшего в своем долгом странствовании и от своего мятежного чешского народа большие несправедливости и неуклонно следовал его советам и наставлениям» [1, с. 33]. Под несправедливостями подразумевается, видимо, междоусобица Славниковичей и Пржемысловичей, в ходе которой в 995 году в Либице были жестоко убиты четверо братьев Адальберта [8, с. 29]. При этом Козьма предпочитает умолчать о причастности к этому инциденту князя Болеслава Благочестивого, перекладывая вину за совершённое преступление на комитов рода Вршовцев [4, с. 80]. Также у Козьмы отсутствует какое-либо упоминание о выкупе мощей Адальберта у пруссов и его погребении в Гнезненском соборе, поскольку это заслуга (что ему, судя по всему, не слишком приятно признавать) польского князя Болеслава Храброго – врага Чехии. Галл, напротив, всячески превозносит Болеслава как славного полководца, который «...своей храбростью озолотил всю Польшу. (...) Разве не он подчинил Моравию и Чехию, занял в Праге княжеский престол и отдал его своим наместникам?» [1, с. 33].

Контрастен на этом фоне дискурс «Чешской хроники». Козьма Пражский прямо обвиняет польские войска, бежавшие из Праги в 1004 году, в трусости [4, с. 82]; а польские князья зачастую предстают в его

хронике как люди, стремящиеся решить все проблемы исключительно за счёт денег. Так, если в одном эпизоде Козьма сообщает, что Мешко платит императору за то, чтобы тот пленил чешского князя Ольджриха [4, с. 81], то в другом пишет о том, как Мешко слепо одаривает пятерых братьев-отшельников богатствами, искушая их этим [4, с. 88]. По воле Козьмы перед читателем предстаёт образ достаточно примитивного польского князя, лишенного какой-либо гибкости, во всём опирающегося лишь на свои богатства.

Стереотипу о трусости поляков противостоит стереотип об изменчивости и ненадёжности богемцев («верность их неустойчива подобно колесу» [1, с. 125]), транслируемый «Хроникой и деяниями князей или правителей польских». Показательно в этом плане описание сражения между войсками Болеслава Смелого и Вратислава II. Галл, будто от имени Болеслава, пишет: «Вы [чехи] раньше, подобно голодным волкам, выбегали из леса и, захватив добычу в отсутствие пастуха, обычно безнаказанно уходили в лесную чащу, теперь же, когда есть охотник с оружием и собаками, спущенными по следу, вы сможете избегнуть расставленных сетей не бегством и не кознями, но только лишь мужеством» [1, с. 55].

По-видимому, Галлу Анониму показалось, что он недостаточно поведал читателю о свойственной чехам трусости, поэтому он счёл необходимым развить этот сюжет: «Со своей стороны, князь чехов лукаво ответил Болеславу, что недостойно столь великого короля приходить к низшему, но завтра, если он действительно сын Казимира, пусть будет готовым в том же месте принять покорность чехов. Болеслав же, чтобы показать, что он сын Казимира, остался там же и этим способствовал хитрости чехов. Именно: в середине следующего дня в польском лагере узнали от разведчиков, что чехи прошлой ночью обратились в бегство вместо того, чтобы завязать сражение» [1, с. 55]. Таким образом, польский хронист преподносит читателю стереотип (не является ли сам Галл автором стереотипа?) о трусости и изворотливости племени чехов. Козьма, в свою очередь, в схожих красках описывает вторжение в Чехию в 1108 г. [4, с. 196] Болеслава III, воспользовавшегося отсутствием в стране Святополка. Устами Владислава I, произносящего напутственную речь перед боем с поляками, хронист говорит: «...вас подвергают издевательствам ваши данники, те, которым вы всегда внушали страх» [4, с. 214]. Здесь показательно акцентирование внимания читателя на имевшей некогда место выплате дани («ваши данники»). Похожий приём мы обнаруживаем у Галла, который представляет богемцев как «немецких слуг», стремящихся заподдержкой Римской борьбе ручиться империи Польшей («...подговаривали императора [Генриха <math>V] вторгнуться в Польшу и хвалились тем, что знают пути и тропинки через польские леса» [1, с. 113]). Также Галл рисует читателю образ чехов как людей, пользующихся нечестными методами в достижении своих целей («До сих пор чехи, издеваясь над поляками, считали за военные подвиги похитить что-нибудь из наших стад и с этим убежать в леса, подобно морским или лесным чудовищам» [1, с. 128–129]).

Таким образом, чешско-польские отношения по своему значению не отличаются от отношений с другими славянскими этносами (актуальные для Галла отношения с поморянами и актуальные для Козьмы — с мораванами) и даже неславянскими (важные для обеих сторон отношения с немцами и венграми). Иными словами, хронисты не испытывают какого-то особого чувства по отношению к «соседям» из-за языкового и культурного родства. Первоочерёдным здесь является определение оппонента как геополитического противника/союзника. Если хронист определяет «соседа» как противника, то такому вектору подчиняется весь последующий дискурс сочинения (то же самое и с отнесением в союзники). Так, Галл рисует образ чехов как «врагов» Польши, но венгров считает преимущественно дружественной общностью. Например, при описании союза князя Болеслава и короля Коломана, Галл говорит о верности и крепкой клятвенной связи двух правителей [1, с. 103]. Сам Коломан при этом представлен в хронике «наиболее образованным из всех королей того времени» [1, с. 89].

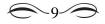
О восприятии чехами «соседа» как геополитического противника говорит эпизод, в котором Козьма, повествуя об усобице в Чехии и вокняжении Святополка в 1107 г., пишет о радости венгров и поляков видеть Чехию ослабленной внутренними междоусобицами («венгры, эти предвестники несчастья, и польские оборванцы с необрезанными губами были рады чешским событиям») [4, с. 193]. Оперируя таким современным термином как «геополитика», необходимо подчеркнуть, что самоопределение хронистов как представителей этнокультурной общности (или, тем более, граждан государства) выражено достаточно слабо, что характерно для домодерного периода развития общества (когда на первый план выдвинуты традиционные аскриптивные статусы [3, с. 173]). Пересказывая легенду о Богеме (лат. *Воетия*) и первых жителях Богемии, Козьма Пражский делает акцент на преемственности современных ему богемцев от переселенцев из Вавилона, некогда заселивших эти земли [4, с. 33]. Разумеется, на этом основании нельзя говорить о том, будто автор XII в. мыслил категориями нации и национального (Средневековье не знало и не могло знать таких категорий [10, с. 401–421]). Скорее всего, история о прародителе социально обусловлена племенным самосознанием автора. По мнению Б. Н. Флори [6, с. 102], корневая легенда о Чехе (Богеме), Лехе и Русе была вполне типична и носила характер племенной традиции, восходящей к часто встречающемуся типу объяснения происхождения племён (сравним с преданиями вятичей о предке Вятко и радимичей о предке Радиме). Впрочем, позиционируя себя как богемца, Козьма упоминает «племя» (термин в применении к средневековым общностям условен ввиду его спорности [2]) в третьем лице в эпизоде, повествующем о сражении между богемцами и лучанами: «...terramque eorum sepe ingressus cedibus...» [7, p. 23; lib. I, cap. X] («...вторгаясь часто в их страну...») [4, с. 48]. Отсутствие соотнесения с

одними богемцами, но соотнесение с другими можно объяснить тем, что описываемый эпизод относится к дохристианскому периоду, а для Козьмы, как и для любого образованного человека его времени, общность определялась в первую очередь вероисповеданием, родовой принадлежностью и подданством. Иными словами, «богемцы» Козьмы Пражского – это католики, живущие в Богемии и являющиеся подданными чешского короля. Однако многие современные исследователи, стоящие (в той или иной степени) на позициях примордиализма, находят в событиях, описываемых в хрониках, следы генезиса чешской и польской нации. Г. П. Мельников, в частности, в дискурсе Козьмы Пражского видит понимание чешского социума как «единого этно-государственного организма, в основе которого лежит этногенетическое, этатизационное и историческое предание, что не имеет аналогов в идеологии этатизационных и национальных процессов в остальной раннесредневековой Европе» [5, с. 7]. А. Валицкий пишет, что «появление хорошо кристаллизованного польского национального самосознания относится уже к концу XI в.» [12, Р. II]. По его мнению, это доказывается некой «национальной идеологией» и отстаиванием позиций польского феодализма в хронике Галла. По мнению П. Урбаньчика [11], национальная идентичность в хронике отражается в самом чешско-польском антагонизме и в существовании легенды о праотце Пясте, которая, возможно, прикрывает моравское происхождение княжеской династии.

Резюмируя, следует сказать, что несмотря на понимание хронистами языкового родства славян, мы не можем зафиксировать представление о «славянстве» как об этнокультурной общности (даже в случае признания как данности того факта, что Козьма и Галл видели чехов и поляков как общности этнокультурные). Взгляд хронистов на своих славянских «соседей» полностью лишён пиетета, который непременно обнаруживался бы при ориентации авторов на славянскую идею. Взаимные обвинения полны стереотипных образов, и лишь иногда негативные замечания в адрес друг друга разбавляются нейтральными оценками хронистов: такие места политически обусловлены и совпадают с моментами дипломатического сближения польской и чешской корон (к примеру, союз между Владиславом I и Болеславом III, отнесённый Козьмой к 1117 г. [4, с. 222]). Иными словами, для рассматриваемых нами хронистов славянское родство (языковое и культурное) не было ценностью, равно как и некой особой идентичностью.

Библиографический список

- 1. Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / Пер. Л. М. Поповой. М.: Наука, 1961. 190 с.
- 2. Горский, А.А., Плетерский А., Пузанов В. В., Шувалов П. В. Славянский мир раннего средневековья: Поиски формы (форум). // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. -2016. -№ 1 (19). C. 3-17.
- 3. Гречко П.К., Курмелева Е. М. Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы. М.: РОССПЭН, 2009. 440 с.
- 4. Козьма Пражский. Чешская Хроника / Пер. Г. Э. Санчук. М.: Наука, 1962. 296 с.

- 5. Мельников Г. П. Исторические трансформации чешской идентичности: от Средневековья к Новому времени // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2017. № 2 (22). С. 5-21.
- 6. Флоря Б. Н. Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания славянских племён Чешской долины // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М.: Наука, 1981. С. 97-125.
- 7. Cosmas Pragensis. Die Chronik der Böhmen des Cosmos von Prag / Bretholz B. Berlin: Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. Nova series. T. II., 1923. 295 s.
- 8. Fiala Z. Přemyslovské Čechy. Český stát a společnost v letech 995-1310. Praha: NPL, 1965.
- 9. Homza M. Mulieres Suadentes Persuasive Women Female Royal Saints in Medieval East Central and Eastern Europe. Boston: BRILL, 2017. 259 p.
- 10. Sedler J. W. East Central Europe in the Middle Ages, 1000-1500. Vol. 3. University of Washington Press, 1994. 573 s.
- 11. Urbańczyk P. Origins of the Piast dynasty // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2013. № 2 (14). C. 56-66.
- 12. Walicki A. Traditions of Polish nationalism in comparative perspective // Dialogue & Universalism. Uniwersytet Warszawski. 2001. T. 11. № 4. C. 5-50.

II. RELIGION AND UNRELIGIOUS CULTURE OF SLAVIC COUNTRIES IN MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY

РУССКИЕ НАУЧНЫЕ СВЯЗИ СВ. НИКОДИМА (МИЛАША), ЕП. ДАЛМАТИНСКО-ИСТРИНСКОГО И УЧЕБНИК «ПРАВОСЛАВНОГО ЦЕРКОВНОГО ПРАВА»

В. Р. Блиев

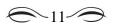
Кандидат исторических наук, г. Омск, Россия

Summary. The article is devoted to the scientific contacts of St. Serbian Orthodox Church Nicodemus (Milash) with Russian canonists A. S. Pavlov and I. S. Berdnikov. It is shown in the article that these lawyers advised St. Nicodemus in the development of the textbook "Orthodox Church law". The author makes the conclusion about the fruitfulness of cooperation of the Serbian and Russian theological thought.

Keywords: history of canonical law; St. Nicodemus (Milash); A. S. Pavlov; I. S. Berdnikov.

Идея о тесной связи сербского и российского академического богословия в XVIII – начале XX вв. не нова. Эта связь оказала значительное влияние на формирование интеллектуальной элиты Сербской Православной Церкви. По подсчетам сербского исследователя В. Пузовича, более сотни сербских богословов завершили полный курс и получили богословские ученые степени в православных духовных академиях Российской империи. Многие из них стали известными исследователями в области библеистики, канонического права, церковной истории, нравственного и пастырского богословия, религиозной философии. В этой связи неоднозначные мнения относительно полезности и продуктивности влияния дореволюционного русского академического богословия на ход сербской богословской мысли, [см. подробнее: 9, с. 142], вновь актуализируют необходимость изучения опыта взаимного влияния русской и сербской богословской мысли. Архивы Императорской Православной Казанской Духовной академии позволяют дополнить сведения о научных связях выпускника российской духовно-академической школы святого Сербской Православной церкви Никодима (Милаша) в период работы над учебником православного церковного права с профессорами И. С. Бердниковым и А. С. Павловым.

Знаменитый канонист и защитник сербского православия св. Никодим (в миру — Николай Милаш) родился в 1845 г. в далматинском городе Шибенике, на берегу Адриатического моря, в семье сербского купца и принявшей православие итальянки. Среднее образование он получал во францисканской, доминиканской и иезуитской гимназиях, Задарской пра-

вославной семинарии, Карловацкой богословской школе [2]. С 1866 по 1867 г. св. Никодим слушал лекции на философском факультете Венского университета, а затем по благословению своего духовного отца епископа Стефана (Кнежевича) учился в Киевской Духовной Академии, которую успешно закончил со степенью кандидата богословия. В том же 1871 г. за работу «Достоинства Православной Церкви до XIV века» он был удостоен степени магистра богословия. Возвратившись на родину в 1874 году, архимандрит Никодим стал преподавателем церковного права и практического богословия в Задарской семинарии. Степень доктора богословия он получил на православном богословском факультете Черновицкого университета. В 1886 по приглашению сербского правительства архимандрит Никодим принял участие в преобразовании Белградской семинарии, ректором которой был назначен. Однако на этой должности он пробыл год и вернулся в Далмацию, затем на протяжении шестнадцати лет он был ректором Задарской семинарии. В 1890 по смерти епископа Стефана (Кнежевича) он был хиротонисан во епископа Далматинско-Истринского. Преосвященный Никодим около двадцати лет управлял Далматинско-Истрийской епархией, входившей тогда в состав Австро-Венгрии. В 1912 г. св. Никодим ушел на покой, оставаясь под пристальным надзором австрийской полиции как сторонник славянского братства русского и сербского народов. После начала Первой мировой войны в 1914 г. он был подвергнут унизительному обыску, во время которого пропали многие рукописные сочинения. Скончался он 20 марта 1915 г. в Великий пяток. Владыку первоначально похоронили в Дубровнике, но в 1930 останки епископа Никодима были перенесены в храм Преображения Господня в его родном городе. 2 октября 2012 года он был прославлен местночтимым святым Далматинской епархии в лике священноисповедников [7].

Список трудов св. Никодима насчитывает несколько сот публикаций, однако наибольшую известность в России получило «Православное церковное право» (1890). Данный учебник стал первым трудом в православной канонической науке, где были рассмотрены источники права, устройство и церковная дисциплина всех поместных православных церквей на конец XIX в. Он был переведен на русский, немецкий, новогреческий и болгарский языки и до настоящего времени характеризуется в российской канонистике как «не утративший своей научной и практической ценности» и отличающийся «строго церковной интерпретацией канонического наследия» [11].

Из семи специалистов, которым св. Никодим выражает благодарность за консультативную помощь при подготовке учебника, двое принадлежат российской канонической науке [6, VIII]. Первым св. Никодим указывает на профессора Московского университета Алексея Степановича Павлова (1832–1898). Выпускник Тобольской семинарии и Казанской Духовной Академии, он с 1859 г. преподавал литургику и каноническое право в Казанской Духовной Академии, а затем стал занимать кафедру канони-

ческого права в университетах: в Казанском с 1863 г., в Новороссийском с 1870 г. и в Московском с 1885 г. Областью специализации профессора А. С. Павлова было историческое правоведение и он пользовался у современников славой одного из лучших знатоков канонического права в Европе [4, с. 584]. Высокого мнения о профессионализме А. С. Павлова был и св. Никодим. Он включил московского профессора в число «четырех ученых, оказавших великие услуги науке православного церковного права, которые прекрасно и всесторонне разрабатывали некоторые отделы этого права. Я (св. Никодим – добавлено мной, В. Б.) широко пользовался их трудами, послужившими мне большим облегчением в работе» [6, VIII, 28].

Вторым русским ученым, которого благодарит св. Никодим, стал профессор Илья Степанович Бердников – знаковая фигура для российской науки церковного права второй половины XIX в. Ученик еп. Иоанна (Coколова) и А. С. Павлова, доктор богословия (1881 г.), заслуженный (1889 г.) ординарный (1881 г.) профессор по кафедре церковного права в Казанской Духовной академии и ординарный (1885 г.) профессор по кафедре церковного права в Казанском университете, канонист европейского крупный церковно-общественный уровня известности И И. С. Бердников в современной российской историографии справедливо признается основателем казанской школы церковного права, оказавшей значительное влияние на развитие русского церковного правоведения [5]. В знак признания научных заслуг Казанская (1912 г.), Петроградская (1913 г.), Московская (1914 г.) и Киевская (1914 г.) духовные академии избрали И. С. Бердникова своим почетным членом. Известен И.С. Бердников и как крупный церковно-общественный деятель. Наиболее ярко его деятельность на этом поприще проявилась в активном участии в работе Предсоборного присутствия 1906 г., где он потрудился «более, чем кто-либо другой из его членов», подготовив ряд докладов и проектов по предполагавшимся церковным реформам [3, с. 572]. В Национальном Архиве Республики Татарстан в фонде Казанской Духовной Академии хранятся восемь писем (с 1889 по 1901 г.) св. Никодима к профессору И. С. Бердникову, из которых следует, что сербский канонист был знаком с работами казанского профессора и, что более показательно, именно И. С. Бердников составлял для него русскоязычную научную библиографию по церковному праву и церковно-общественной жизни в Русской церкви [10, Л. 267–278 об.]

Причиной обращения к И. С. Бердникову, по видимому, стало желание св. Никодима расширить библиографию по вопросам государственноцерковных отношений, на проблематике которых специализировался И. С. Бердников (письмо от 22.02.1889). Последующая переписка показывает, что между учеными завязалась заочная научная связь, инициатором которой выступал св. Никодим. Сербский канонист обращался за консультациями по вопросам, связанным с особенностями русского церковного права (наличия в Русской церкви судебной власти ктиторов (основателей монастырей); считается ли в России старшим черное духовенство белого

духовенства, и на чем основывается эта практика; допускается ли переход из черного духовенства в белое; есть ли практика для мирян чтения проповедей в церквах; как решаются вопросы «снятия монашества» и разрешения на брак бывшим монахам в Русской церкви и т. д.).

Обращался св. Никодим к И. С. Бердникову за советом по структуре т. н. «уголовного законника», т. е. правил о канонических наказаниях для священнослужителей белого и черного духовенства, который просили его составить «для церковных властей в Королевстве Сербии». В том же письме св. Никодим просил расширить свой круг источников права и библиографию по данной проблематике, т. к. ему хочется «что-нибудь дельного написать, и поэтому прошу всепокорно Вашу помощь (И. С. Бердникова – В. Б.), за которую я буду искренно благодарен» [2].

Со своей стороны И. С. Бердников очень высоко отозвался в печати о «Православном церковном праве» св. Никодима. «Доселе не было сочинения в канонической литературе, в котором бы излагались параллельно нормы жизни всех Поместных Православных Церквей, и книга о. Никодима Милаша составляет с этой стороны важное приобретение для науки православного церковного права... Вообще, архимандрит Милаш представляется в своем сочинении серьезным ученым, могущим стать наряду с лучшими представителями науки церковного права западными и восточными» [1, с. 3–4, 7–8]. Необходимо отметить, что работы св. Никодима (Милаша) оказались весьма своевременны и полезны для Русской Православной Церкви. В частности, при обсуждении острых политических вопросов государственно-церковного взаимоотношений, они использовались для опровержения представлений о каноничности наличия высшей церковной власти в руках императора как главы государства [См. например: 8, с. 186–199].

Таким образом, на примере св. Никодима (Милаша) и его учебника «Православное церковное право» можно в очередной раз говорить о плодотворности сотрудничества сербской и российской богословской научной мысли.

Библиографический список

- 1. Бердников И. С. Новые опыты курса православного церковного права (Н. С. Суворова и архим. Никодима Милаша) / [И. Бердников]. [Казань] : тип. Имп. ун-та, 1890. 16 с.
- 2. Журавский А. В. Письма русских, сербских и румынских иерархов И.С. Бердникову по каноническим и церковно-общественным вопросам [Электронное издание] // Православный собеседник 2000 № 1(1). Электронная версия печатн. публ. Режим доступа: http://www.tat-t.ru/publishing/sobesednik/one/pismaierarhov (дата обращения: 16.07.2018).
- 3. Лапин П.Д. Профессор И. С. Бердников. К 50 летию ученой и профессорской деятельности // Православный собеседник. 1914.— Ноябрь. С. 569-587.
- 4. Лебедева Г.Е. Из эпистолярного наследия А. С. Павлова: письма к академику А.Ф. Бычкову // Мир русской византинистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. Медведев И.П. СПб., 2004. С. 584-615.

- 5. Михайлов А. Ю. Церковное право в Казанской Духовной Академии 1842 1918 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://kds.eparhia.ru/bibliot/kaz_schule/cerk_pravo/ (дата обращения: 25.08.2010).
- 6. Никодим (Милаш), епископ Далматинский. Православное церковное право: составлено по общий церковно-юридическим источникам и частным законам, действующим в автокефальных церквях / Никодим, епископ. доктор богословия, пер. с сербского Милана Петровича. СПб.: тип. В.В. Комарова, 1897. 708 с.
- 7. Новости Далматинской епархии Сербской Православной Церкви [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eparhija-dalmatinska.hr/arhiva2012/0140-12-c.html (дата обращения: 16.07.2018)
- 8. Суворов, Н. С. Учебник церковного права / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Юрид. фак. М.: Зерцало, 2004. XXII, 477 с.
- 9. Сухова Н.Ю. Рецензия на кн.: Пузовић В. Руски путеви српског богословља. Школовање срба на руским духовним академијама (1849-1917). Београд: Угниверзитет у Београду: Православни богословски факултет, Институт за теолошка истраживања ЈП Службени гласник, 2017 // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2017.—№ 78.— С. 141-146.
- 10. Учено-литературная переписка профессора И.С. Бердникова. Т. 1. // НАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 1101.
- 11. Цыпин В. А. протоиерей. Курс церковного права: учеб. пособие [Электронное издание] / В. Цыпин. Клин: Христианская жизнь, 2004. 700, [3] с. Электронная версия печатн. публ. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsypin/tserkovnoe-pravo/2_3 (дата обращения: 16.07.2018)

III. ETHNO-CULTURAL AND ETHNO-CONFESSIONAL RELATIONS IN SLAVIC WORLD: INTRO-SOCIAL AND INTER-SOCIAL ASPECTS

РАЗВИТИЕ СОКОЛЬСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX ВВ.

О. В. Ищенко

Доктор исторических наук, доцент, Сургутский государственный университет, г. Сургут, Россия

Summary. The article is devoted to the study of the history of Sokolsky movement, which was founded by Czech Miroslav Tyrsh, in Siberia at early 20th century. The author describes the role of Czech teachers in the creation of the first Siberian Sokolsky organizations. The non-political character of the Sokolsky movement in Siberia is defined in this article.

Keywords: Sokol movement; Siberia; the Czechs; pupils; organizations.

Сокольское движение, основанное доктором философии и общественным деятелем чехом Мирославом Тыршем, зародилось в рамках Австро-Венгрии в период усиления антиимперских настроений среди ее многонационального населения. Рост чешского национального самосознания побудил М. Тырша искать формы и методы для объединения своего народа, повышения его военно-физической подготовки в борьбе за национальную независимость. Главным орудием этого он считал создание национальной системы физического воспитания [5, с. 171]. Практическая реализация идеи вылилась в создание в Праге в 1862 г. спортивного общества «Сокол», участники которого стали заниматься гимнастикой по системе Тырша. Сокольское движение быстро разрасталось, становясь массовым и очень популярным среди различных слоев населения, в первую очередь, молодежи.

Впрочем, несмотря на внешне физкультурный характер движения, сокольские организации не были только спортивными секциями. Регулярные занятия спортом рассматривались Тыршем в качестве средства физического и нравственного воспитания чешской молодежи. По сути, сокольское движение готовило молодое поколение чехов к завоеванию независимости и созданию собственного государства, а активно развивавшаяся в Европе во второй половине XIX века идея панславизма способствовала его распространению среди других славянских народов.

В Российской империи сокольство начало развиваться в 1870-х гг., достаточно быстро завоевав популярность прежде всего в молодежной

среде. Огромную роль в распространении сокольства в системе средних школ сыграли чешские преподаватели гимнастики. Одним из первых в 1889 г. по приглашению директора 1-ой Тифлисской гимназии Л. Л. Маркова в Россию прибыл Ю. Грумлик. Вслед за ним в Россию отправились соколы Скотак, Потучек и Лукеш, также на должности преподавателей гимнастики. Все они с большим усердием старались заинтересовать россиян сокольством и гимнастической системой Тырша [6, с. 87].

В Сибири одним из первых городов, в котором появились сокольские организации, стал Томск, лидировавший по количеству расположенных в нем учебных заведений. Гимнастическое общество «Сокол» было основано здесь в 1911 г. Его создание связано с именем Франца Ивановича Янковского — чеха по национальности, преподававшего сокольскую гимнастику в Томском коммерческом училище. Согласно воспоминаниям Ф. И. Селиванова, учившегося в коммерческом училище, Франц Иванович был «всеобщим любимцем». Программа физического воспитания, по которой он работал, была обширной и разнообразной. Кроме того, увлеченный своим делом человек вел вечерами занятия в различных спортивных кружках, руководил секцией легкоатлетической гимнастики [7, с. 17, 19]. Большая популярность Ф. И. Янковского среди молодежи способствовала тому, что членами томского сокольского общества стали преимущественно старшеклассники средних учебных заведений города: коммерческого училища, Алексеевского реального училища, женской гимназии Миркович [2, с. 88–89].

Сокольские организации действовали и в других сибирских городах. Массовость движения и хорошая физическая подготовка участников, слаженно выполнявших сложные спортивные упражнения, способствовали появлению в крае новой традиции — ежегодного проведения зрелищных сокольских выступлений. Так, по сохранившимся сведениям, 9 мая 1912 г. и 14 мая 1913 г. соколиные праздники с участием воспитанников и воспитанниц всех учебных заведений города были проведены на центральной площади Омска [3, л. 16, 129]. 15 мая 1916 г. общегородской сокольский праздник силами учащихся был устроен на ипподроме в Томске [8].

О стремлении сокольских организаций содействовать не только физическому, но и нравственному развитию своих членов свидетельствуют их уставные документы. Так, устав Красноярского гимнастического общества «Сокол» основной целью его деятельности называл содействие теоретическому и практическому развитию гимнастического дела, «телесному и нравственному совершенствованию своих членов путем развития в них телесной выправки, мужества, дисциплины и сознания единства» [1, л. 86–101].

Однако провозглашенная основателем движения М. Тыршем идея свободного вступления в организации и равенства всех участников движения натолкнулась в России на серьезное препятствие, состоявшее в том, что учащимся средних и низших учебных заведений официально запрещалось состоять в любых общественных организациях [4, с. 115]. Поэтому, несмотря на широкое распространение сокольства среди молодежи Сиби-

ри, устав Красноярского гимнастического общества «Сокол» запрещал вступление учащихся в его ряды [1, л. 100].

В целом, сокольское движение в Сибири не имело националистического или политического характера, представляя собой, прежде всего, массовое физкультурное движение, ставящее своей целью гармоническое развитие личности. Особой популярностью среди молодежи пользовалась сокольская гимнастика, элементы которой были введены в занятия физической культурой в школах края. С началом первой мировой войны сибирские сокольские организации стали готовить молодых людей к военной службе, став фактически центрами допризывной подготовки в крае.

Библиографический список

- 1. Государственный архив Красноярского края. Ф. 433. Оп. 1. Д. 43.
- 2. Дмитриенко Н.М. Молодежь Томска в общественном движении (вторая половина XIX в. 1917 г.) // Проблемы истории и исторического познания. Томск, 2001. С. 84-98.
- 3. Исторический архив Омской области. Ф. 32. Оп. 1. Д. 62.
- 4. Ищенко О.В. К истории сокольского движения в России (конец XIX начало XX вв.) // История образования и просвещения в Сибири и Казахстане: сборник научных статей и материалов IV Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), посвященной 140-летию Омской учительской семинарии. Омск: Амфора, 2013. С. 112-118.
- 5. Качулина Н.Н. Исторические условия возникновения и развития сокольского физкультурно-гимнастического движения в Чехии и других славянских странах в конце XIX - первой четверти XX вв. // Символ науки. 2017. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-usloviya-vozniknoveniya-i-razvitiyasokolskogo-fizkulturno-gimnasticheskogo-dvizheniya-v-chehii-i-drugih-slavyanskih (дата обращения: 10.11.2018).
- 6. Русское и советское молодежное движение в документах 1905-1937 гг. М.: Русскій міръ, 2002. 287 с.
- 7. Селиванов Ф.Н. Томское коммерческое училище // Сибирская старина. 2005. № 23. С. 16-19.
- 8. Утро Сибири. 1916. 17 мая.

IV. LANGUAGES AND LINGUISTIC CULTURE OF SLAVIC NATIONS AS THE REFLECTION OF THEIR ETHNO-CULTURAL CONSCIOUSNESS

LEXEMS WITH THE PROTOSYLLABLE -*PT- IN THE SLAVIC LANGUAGES AS THE SOURCE OF THE INDO-EUROPEAN LANGUAGE INVESTIGATION

E. A. Mironova E. A. Tolmacheva PhD, assistant professor, undegraduate student, Rostov-on-Don State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Summary. This article presents a new approach to the problem of language-ancestor. Here we demonstrate the connection of the Slavic languages lexemes, containing a proto-syllable *pt-, with the Indo-European language and its ancient semes with the meanings: "five", "palm", "heel", "bread". This connection was revealed in other language families thus bringing us back to the language-ancestor in which the combination of sounds – [pyat'] had a cluster of meanings which were built according to the linguistic process of metonymy.

Keywords: protolanguage; protosyllable -*pt-; comparative linguistics; protosyllables; ancient seme; Indo-European language; proto-language; interdisciplinary research.

Following the previous studies in comparative linguistics, devoted to the search of Indo-European language (and more ancient stages of a language-ancestor), namely, N. D. Andreev, A. Dolgopolskii, T. V. Gamkrelidze, V. V. Ivanov, V. M. Illich-Svitich, A. Meye, H. Pederson, A. H. Vostokov and the others, we have to admit that this comparative approach is valid when the comparison is conducted between two languages. In case when we compare more than two languages, the basic principles of comparative linguistics became incorrect and imprecise as it was said by Antoine Meye, the French linguist, disciple of Ferdinand de Saussure [10].

In the middle of 20th century linguists noticed the toponyms similarities, however this fact was considered as coincidental (Ageeva, 1985; Murzaev, 1974; Melkheev, 1964; Molina, 1973). Nevertheless, a certain similarity of the same clusters of sounds notions was recognized in the works of linguists-comparativists in the languages of different language families, as well as in the ancient languages – Sanskrit, Latin, Hittite, Ancient Greek. The example of suchlike similarity is clearly seen in the syllable – *kar- in Russian, Ukrainian, Bulgarian, Turkish, Congolese which has the semes: «black/dark», «bark», «skin», «nut shell» in the languages of different language families [2, p. 95–109].

In the process of research, a hypothesis about the relic protosyllables that survived from the times of the ancient language was formed [12]. These protosyllables remained primarily in oronyms, hydronyms and the names of cult places of antiquity. We call these syllables – proto-syllables, which formed the basis of the proto-language.

This protosyllables theory performs as a valid instrument as regards the reconstruction of the roots and words of the ancestral language as soon as it is based on the place-names, which survived throughout the history of mankind. In the classical comparative linguistics the reconstruction of protolanguage (Indo-European, Pre-Indo-European, Boreal and Nostartic) on the basis of ancient and dead languages often leads to the artificial assumptions and certain "conventions" that the comparativists agree on. A. Meye wrote back in 1925: "We were able to establish, using the comparative method, the history of a number of languages, because they could confidently explain any new system as a result of the development of one particular old system. If we have to take into account the two initial systems and their interaction, the modern technique will prove to be unsuitable. The need to choose between two rows of source forms will lead to such arbitrariness that, in essence, nothing can be proved" [10, p. 72].

Thus, comparative method has its own limits because with its help, we can follow retrospectively the mechanisms of Indo-European languages interactions with other macro families, but it is a problem to go deeper more than 10 000 years ago, so we need a new approach.

Our previous works were devoted to searching the phoneme similarities of ancient words (predominantly toponyms, considering such combinations as a relic of protolanguage, which was spread across the large territories of Eurasia since 40 thousand years ago) [12].

We found out that the syllables of protolanguage had universal semantics to call allied concept, things and phenomena with one and the same cluster of phonemes. This phenomenon is observed in the languages of not only the Indo-European family but also in Finno-Ugric, Turk and Ural-Altai languages. According to this hypothesis the place-names of Eurasia (and in some cases in other continents) still contain the elements of the protolanguage, namely – protosyllables, which are repeated not only separately but also in steady combinations with other protosyllables, denoting the places similar or even identical according to their geo-physical features [13]. The research of coincidence in the placenames "Baikal" (30 suchlike hydronyms across Siberia) was fulfilled by Yu. Pohabov [14]. Thus we can think of a unique ethnic group of people (or peoples, united by the unique language and unique religious cult) which spread this place-names alongside with their migrations.

Nowadays there are also other new approaches to the language study. One of this is presented by the Slovenian researchers P. Jandacek and A. Perdih [5]. They have proposed investigation of the lexeme "elefant" ("slon" in Russian) in different Eurasian languages with the purpose to find common root in its origin. The logic behind is that this animal, as well as mammoth, was widely spread in

the Paleolithic when the common language existed. The onomatopoetic Mongol word for the animal elephant, *zaan*, for example, reflects the initial Eurasian word for the trumpeting animal mammoth. Subsequently it had diversified into many variants such as *sbrf*, *siaij*, *sioi*), *say*, *char*), *slon*, *silonit*, *glan*, *zilonis*, *zi-hon*, *zo*, *masan*, *tsonoqua* and many other local forms. The endings <n> and <ny> are characteristic for Europe, whereas <q> is characteristic for East Asia. Exceptions to this continuum are the Cambodian (Khmer) word *damn* and the Lithuanian (Baltic) word *dramb- lys* [5].

Also during last years, P. Jandacek [4] studied the words for the counting from one to ten. The collected data are discussed from a linguistic point of view as well as according to the DNA-Genealogy and geophysical data.

The same approach could be executed in the present study where we analyze the word "five" (which has the phonetic form [pyat'] in the Slavic languages as one of the major group of the Indo-European language) in comparison with the other languages within the Indo-European language family that contain the similar correspondence: meaning "five" and phonetic shape [pyat'] for the reason to investigate the cluster of the sounds [pt], denoting the objects connected with each other due to metonymy.

As it was found out by T. V. Gamkrelidze and V. V. Ivanov the ancient Indo-European system of calculation is being reconstructed on basis of the numerals system which was fixed in Indo-European dialects. On the basis of this numerals it is possible to reconstruct the corresponding Indo-European archetypes and to presume the decimal system of calculation for the Indo-European community before its disintegration. This common calculation system was reflected with no substantial changes in some of the Indo-European traditions [3, p. 842].

These scientists found out that in the Indo-European language the numeral "five" was: *p^[h]ienk^{[h]o}e. In Luvian: panta; in Tohar: päñ; in ancient Indian: páñca; in Avestan: panča; in Armenian: hing; in Greek: π έντε; in Albanian: pésë; in Latin: quinque; in Old Irish: c ớic; in ancient Welsh: pimp; in Gothic: fimf; in Old Icelandic: fimm; in Old High German: fimf, finf (German – fünf); in Old English: fif (English – five); Lithuanian: penkì; ancient Slavic: petǐ; Tocharian pänt [3, p. 845]. As it is seen, the majority of the sounds clusters are similar (or close) to the sounds [pyat'] in Russian or have the sounds, produced in the same place of articulation: [p] vs. [f].

Indo-European word *p^[h]ienk^[h]oe – "five"; could be entomologized as a name of the word "arm" or "five fingures" – this is a trace of a very archaic way of "calculating with fingures". This initial meaning of the Indo-European lexeme "five" one can find out in the etymologically relevant forms with [r], as in Gothic: *figgrs*, in Old Icelandic. *fingr*, in Old English. *finger* (English. *finger*) in Old High German *fingar* (German *Finger*); also, probably, Hittite *pankur* in the meaning 'summation', 'kindred', *panku*- 'whole', 'entire' (evidently, from the initial Indo-European meaning 'entire summation of a hand fingers', quotation: *Lehmann 1970*). Indo-European word for 'five' *p^[h]ienk^[h]oe in the initial meaning 'whole hand', 'all summation', 'all five fingers' <...>, and Indian *pankti* -

'five', Old Slavic "pęti" – 'five' and probably Old Icelandic - fimt, Umbrian - puntis, Old High German fūst (German Faust) 'fist'; Old English fyst (English fist) 'fist', old Slavic pęstĭ, Old Russian p'yast', Lithuanian kumste 'fist' (from *punkste, Saussure 1922\ Szemerenyi 1960: 113f). The same form, added with a suffix could be in a root of Greek pavtos 'whole', 'all summation', Tocharian A pont-, puk, B po, pont- 'whole', 'every' (van Brock 1972) [3, p. 849].

The authors made a conclusion, that two classes of archaic Indo-European names of numerals in the first ten (numerals) – are the names of hands or fingers of the hands (i.e. – the reflection of relic Indo-European system of counting with the help of fingers). This conclusion is made on the basis of relevant proof from great number of ancient Indo-European dialects: Tocharian, Indo-Iranian, Armenian, Greeck, Baltic-Slavic, Celtic [3, p. 850].

On the basis of linguistic data, we discovered the tight connection of the phonetic cluster of sounds – [pt] and the meanings: "five", "flat" and "bread" in Indo-European languages. We found out an interesting correlation of the word "palm" (in Old Russian [pyast]) with the words": pita, pizza – with the meaning "flat bread", which corresponds to the seme of the word "palm" (in Russian [pyast']). In Old Indian: pistam – flour, pistam – pounded (powdered) [3, p. 657].

As a result of metonymy, still on the stage of the Indo-European language the lexemes appeared which are connected with the processing of the grain into flour, i.e. – the name of a process and the name of an action for the grain blending. Also the instrument, which is used in this process, has the cluster [pt] in its name – Russian [pest], English *pestel*, *beater*.

From this accumulated information we can see that the process of metonymy was preserved in many Indo-European languages, if it comes to the names of "flour" and "comminuting" (and even the person who makes these activities: pounding, grinding and powdering). The link between the name "five" ([pyat'] and [pyast'] in Slavic) and the object with which the flour is powdered ([pest] in Slavic) than further – to the name of a person who makes this job – [pester] – is obvious. Meanwhile, it is still unclear – what is the origin of the word for the final product, namely, for the bread. We examined and researched further this phonetic cluster – [pt] for its derivative forms in Slavic languages and some of the Indo-European languages to understand – does the process of metonymy work further in this chain.

During the comparative analysis we found out that the similarities of the word "pyad" or pyata" (*hand and heel* in Slavic) and "sole bread or pita" exist in ancient and modern languages.

Pita – this is a kind of Greek flat round bread - πίτα, in turn from the Byzantine Greek – πίτα "bread, cake, pie, pitta" (attested in 1108) and possibly from the Ancient Greek – πίττα or πίσσα "pitch/resin" (for the gloss), or Ancient Greek πικτή (*pikte*), "fermented pastry," which may have passed to Latin as "picta" cf. *pizza*.

The word has been borrowed by Turkish as *pide*, and appears in the Balkan languages as Serbo-Croatian *pita*, Romanian *pită*, Albanian *pite*, Bulgarian *pitka* or *pita*. In Arabic, the phrase الله بيان (pita bread) is sometimes used; other names are simply خ بز 'khubz, bread' or الله عربي الله خ بز 'al-kimaj bread'. In Egypt, it is called 'aish (ع يش) or 'aish baladi (ع يش) [17].

Piadina [pja'di:na] or Piada ['pja:da] is a thin Italian flatbread, typically prepared in the Romagna historical region (Forli, Cesena, Ravenna, and Rimini). It is usually made with white flour, lard or olive oil salt and water. The dough was traditionally cooked on a terracotta dish, although nowadays flat pans or electric griddles are commonly used.

According to our research, the word pita has one of the meaning "flat, sole bread" in Faroes language (North-Germany). The language was sovereign in the epoch of the Vikings. Probably, this language came from ancient Norway language. "Pit" in Faroes means "a hole", like a cave. That can be similar through the metonymy to "oven-bottom bread" in Russian language.

Welsh language has the word "Pitw", that means very small and tiny. It can also mean sole bread as it is small and tiny.

Sanskrit language has the word पञ्चन् páñcan [pa-ncan] that means "five". We found another similarity in a word पितृ- pitṛ- [pitRRi] the weak base derived from pitár [pitr] that means weak foundation that can also mean "flat bread or lavash" as we see it. The word पाद páda [paada] m means foot or leg, it has stem declension with the word "small". The word पाण pāṇí [paaNi] m means "hand" or "arm".

The Dahl's dictionary defines the word "piatka" as "lower grain end" that is directly related to bread. There are also many similar phonetic combinations on the basis of a protosyllable -*pt-. The word – "putra" which means the Estland soup from different vegetables, grain and milk. Also – "putro" – the flour liquid for cattle to drink [1, http://slovardalja.net/word.php?wordid=35085].

This cluster of sounds goes back to the Mesolithic times when the main nutrition for the tribes came from the rivers and lakes – fish. In the Novgorod dialect of the Russian language the word *pat* preserved. It means such a fish catch that couldn't be thrown at once from a river, only with a help of ladling out water from a tackle [1, http://slovardalja.net/word.php?wordid=24455].

The word *patlun* exists in the Perm dialect of the Russian language and denotes a sort of a spoon or ladle with a help of which it is possible to extract fish from a bowl [1, http://slovardalja.net/word.php?wordid=24462].

There are also many other Russian words with this sound cluster – -*pt-(or voiced -*pd- like in the word [pyad']):

- [pyata], a heel, the back side of a human or animal foot [1, http://slovardalja.net/word.php?wordid=35144];
- [pyast'] n. a hand, a palm; lacing of a hand-width; a handful of smth, as a measure; v. to beat smth. with a palm dough; archaic to cuddle a baby in arms, probably, from the word "pyast" [1, http://slovardalja.net/word.php?wordid=35143];
- [pyada] also: [pyad'] space between a thumb and an index finger, as a measure [1, http://slovardalja.net/word.php?wordid=35133];
- [pyaster'] dialect. Tver a bag for hay transporting [1, http://slovardalja.net/word.php?wordid=35142];
- [pyater'] dialect Novgorod *pyatra*, Perm, Vyatka, Kazan *pyatry* shed or dais; ex. the overhang in front of the doors to the hayloft [1, http://slovardalja.net/word.php?wordid=35146].

Also there is a word from Vladimir dialect: [pet] — oven [1, http://slovardalja.net/word.php?wordid=26002] and from Tula dialect: [pitel'ka] — a slice of bread [1, http://slovardalja.net/word.php?wordid=26098].

At present there is a verb in Russian – [pitat'] – to feed, which obviously has the ancient origin.

From the new discoveries of DNA-genealogy we know, that vast territories of Eurasia were the areas of migrations of the people belonging to the haplogroups – R1a and R1b. Haplogroup R is the ancestral for the haplogroups R1b and R1a - the basic Caucasoid haplogroups, who inhabited Russian Plain and Europe. In 2012 professor Anatole A. Klyosov wrote that haplogroup R1b appeared in Southern Siberia from the haplogroup R1. The haplogroup R1 appeared from haplogroup R, also in Southern Siberia, 26 thousand years ago. The haplogroup R appeared from haplogroup P, the bearers of which came to Southern Siberia about 40 thousand years ago [8, p. 103]: "The results of this study lend a support to the theory that haplogroup R1b arose in Central Asia, apparently in South Siberia or the neighboring regions, around 16,000 years before present. The preceding history of the haplogroup is directly related to the appearance of Europeoids (Caucasoids) ~58,000 ybp, likely in the vast triangle that stretched from Western Europe through the Russian Plain to the east and to Levant to the south, as it was suggested in [8]. A subsequent sequence of SNP mutations in Y chromosome, with the appearance of haplogroups NOP ~48,000 years before present (ybp) and P ~38,000 ybp in the course of their migration eastward to South Siberia, eventually gave rise to haplogroup R ~30,000 ybp and R1 ~26,000 ybp, and then to haplogroup R1a/R1a1 ~20,000 ybp (the timeframe between the appearance of R1a and R1a1 is uncertain) and R1b ~ 16,000 ybp" [8, p. 103].

Further migrations of two branches of ancestral haplogroup R1 (the descendent from haplogroup R) – the haplogroups R1a and R1b were than traced in the research by Anatoly A. Klyosov and Igor L. Rozhanskii: "It should be mentioned here, that two brother subclades, R1a and R1b, have been migrating from Central Asia westward by two quite different routes. While R1a were moving along the southern route from the Altay region across the Himalayas, Hindustan, the Iranian plateau, Anatolia and the balance of Asia Minor to the Balkans [9], R1b were moving along the northern route, from the same region across South Urals, Middle Asia, North Kazakhstan, Middle Volga, the Caucasus, and then split between the southward and west-ward directions" [8, p. 92].

Following the presented data from two disciplines: comparative linguistics and DNA-genealogy, we can make a conclusion that the initial cluster of sounds – [pt] (and its voiced variant [pd]) – we call it a protosyllable -*pt-/-*pd- – in the Indo-European language had a polysemantic character and obtained many correlating meanings: "five", "palm", "fist", "pestel" and "flat bread" – "pita", which were created on the basis of metonymy. The final word in the chain of words, created as a result of this ancient linguistic process of metonymy, namely, "pita" / "pizza" – was borrowed by the Semitic languages (Arabian and Hebrew) when the tribes of Arabs and Jewish people had contacts with the Indo-European tribes in the Mediterranean basin.

Another very important conclusion is that the great number of meanings coming from the phonetic cluster [pt] and its voiced variant [pd] or, as we call it – protosyllable -*pt-/-*pd- in the Russian language can be the signal that Russian (as well as other Slavic languages and their dialects) is probably the direct descendant of the protolanguage, as soon as the richness of the word-forms and the meanings of the cluster -*pt-/-*pd- due to the process of metonymy (ancient metonymic line) is obvious. This process of metonymy is presented in a great number of ancient and modern words of Russian and its dialects. The example of this process, ancient metonymy, is shown in this research, namely: "five" - Russian [p'yat'] (the numeral) – "palm"/"fist" – Russian [p'yast'] (five fingers of a hand) or [pyad'] - "pestel" - Russian [pest] - "oven" - Russian, Vladimir dialect [pet] where bread, which is formed with a palm (five fingers) is baked – "a slice of bread" – Russian, Tula dialect [pitel'ka]. This line shows the process of making bread with a very important instrument - hand and fingers, with additional instruments – pestel and oven. All these objects In Russian are called with the same basic cluster of sounds – [pt] / [pd], thus demonstrating the linguistic process: transference of meaning due to metonymy.

Bibliography

- 1. Dal, V. I. The Explanatory Dictionary of the Living Russian Language. 2008-2017. http://slovardalja.net/letter.php?charkod=202
- 2. Dolgopolsky A.B. In search of distant kinship. Russian speech, Issue No. 6, 1967. pp. 95-109.
- 3. Gamkrelidze T.V, Ivanov V.V. Indo-European and the Indo-Europeans: A Reconstruction and Historical Analysis of a Proto-Language and a Proto-Culture. Tbilisi, 1984.
- 4. Jandaček, P. Base Ten Counting as the Extension of the Archetypical Base Five System of Basques and Slavs. In Zbornik mednarodnega posveta Sledovi evropske preteklosti. Ljubljana: Založnišvo Jutro, 2004. pp. 74-84) http://www.korenine.si/zborniki/zbornik03/jandacek baseten.htm
- 5. Jandacek, P., & Perdih, A. Words for the Animal Elephant/Mammoth in Relation to the DNA Genealogy Data. Advances in Anthropology, 7, 2017. pp. 251-272. https://file.scirp.org/Html/3-1590625_79619.htm
- 6. Klyosov, A. A. & Mironova, E. A. A DNA Genealogy Solution to the Puzzle of Ancient Look-Alike Ceramics across the World. Advances in Anthropology, 3, 2013 pp.164-172. https://doi.org/10.4236/aa.2013.33022
- 7. Klyosov, A. A. Mysteries of the "Western European" Haplogroup R1b. Vestnik of the Russian Academy of DNA-genealogy, 1, Lulu publishing, 2008. pp. 568-630.
- 8. Klyosov, A. Ancient History of the Arbins, Bearers of Haplogroup R1b, from Central Asia to Europe, 16,000 to 1500 Years before Present. Advances in Anthropology, 2, Lulu publishing, 2012. pp. 87-105.
- 9. https://doi.org/10.4236/aa.2012.22010
- 10. Klyosov, A. A., & Rozhanskii, I. L. Haplogroup R1a as the Proto-Indo-Europeans and the Legendary Aryans as Witnessed by the DNA of Their Current Descendants. Advances in Anthropology, 2, 1-13. Lulu publishing, 2012. https://doi.org/10.4236/aa.2012.21001
- 11. Meie A., Introduction to the comparative study of Indo-European languages: Per. with fr. Ed. and with approx. RO Shor. Ingress. Art. M. V. Sergievsky. Ed. 4th. Moscow: Publishing house LCI, 2007. 512 p.
- 12. Melkheev M.N. Origin of geographical names of the Irkutsk region. Irkutsk: East-Sib. Book. Publishing house, 1964. 89 p.
- 13. Mironova, E. A. Universalism of Semantics of Protolanguage Syllables. In Pre-Cirillic Slavic Writing and Pre-Christian Slavic Culture Volume 1, Saint-Petersburg: LSU by A.S. Pushkin, 2008 pp. 65-76.
- 14. Mironova E.A. The solution of the stable combination of protosyllables: * ga- * ar- * ga- in modern toponyms (the etymology based on the hypothesis about protosyllables preserved in the geographical names of the world), 2014. http://www.trinitas.ru/eng/doc/0211/002a/02111183.htm
- 15. Pohabov Yu. P. The secret of place-name Baykal http://www.pribaikal.ru/project-item/article/13913.html
- 16. https://en.wikipedia.org/wiki/Pita

РУССКИЕ ЛЕТОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ В КОНТЕКСТЕ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Н. В. Беленов

Кандидат педагогических наук, Самарский государственный социальнопедагогический университет, г. Самара, Россия

Summary. The article discusses various aspects of the study of Russian chronicle sources on the main clusters in the context of the study of the toponymy of the Samara Volga region. **Keywords:** Russian Chronicles; toponimica; Samara Volga region.

Значение письменных источников для исследователя топонимии того или иного региона трудно переоценить. Именно с первых письменных фиксаций можно говорить о достоверном упоминании и достоверной форме географического названия в тот или иной исторический период.

Конечно, топонимист может и должен заниматься также и реконструкцией топонимов, уходящих корнями в доисторию, однако, такая реконструкция всегда будет оставаться гипотетической — с большей или меньшей степенью вероятности.

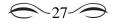
Данная статья является своего рода квинтэссенцией нашей магистерской диссертации «Русские летописи как источник по топонимии Самарского Поволжья». В нашем исследовании мы постарались охватить русские летописные источники различного рода и показать их значение для исследователя топонимии Самарского Поволжья.

Хотим отметить, что, несмотря на активное использование исследователями топонимии летописных источников в специальных и обзорных топонимических работах, как по географическим названиям отдельных регионов, так и России в целом, нами в процессе исследования не обнаружено не только специальных работ, посвящённых рассмотрению русских летописных документов применительно к изучению топонимии Самарского или — шире — Среднего Поволжья, но и вообще работ, в которых бы специально анализировались русские летописные документы как источники топонимической информации.

С этих позиций, предлагаемая работа — первое исследование такого рода, в котором акцент сделан именно на исследовании русских летописных источников с точки зрения их ценности для исследователя топонимии отдельно взятого региона, в нашем случае — Самарского Поволжья.

Проведённое исследование позволило сформулировать следующие выводы:

1. Одним из главных достоинств русских летописей для исследователей топонимии является тот факт, что географические названия в них представлены с минимальными искажениями (что выгодно отличает их,

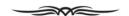

например, от арабо-персидской историко-географической литературы, которая, хотя и охватывает более широкие хронологические рамки, оставляет столь же широкий простор для толкований того или иного топонима, в особенности, в случае его единичного упоминания).

- 2. Значительный пласт этого рода источников до сих пор остаётся за пределами внимания исследователей топонимии. Это касается малых летописцев позднего периода летописания, церковно-приходских летописей и прочих летописно-статистических документов. В этом направлении следует ожидать активной исследовательско-поисковой деятельности, которая, несомненно, приведёт к введению в научный оборот новой топонимической информации и к уточнению уже известных по историческим документам форм географических названий.
- 3. Сведения, содержащиеся в русских летописных источниках, в ряде случаев способствуют уточнению спорных вопросов топонимии Самарского Поволжья, а иногда являются единственным источником достоверной информации для этимологизации того или иного топонима [1, с. 115].
- 4. Информация по топонимии Самарского Поволжья обнаружена нами в русских летописных источниках различных жанров: от начальных летописей до переписных книг. При этом наиболее информативный пласт приходится на источники периода XVI–XVIII веков.

Библиографический список

1. Беленов Н.В. Русские летописи как источник по топонимии Среднего Поволжья // Libri Magistri. – Магнитогорск. – 2017. – №4. – С. 112 – 120.

V. INTERLINGUISTIC CONTACTS OF SLAVIC AND OTHER NATIONS

FEATURES OF BORROWINGS IN CHINESE AND RUSSIAN

X. Fang

Ph.D. in Philology, assistant professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Summary. Current article studies general onomasiological peculiarities in Chinese and Russian. Loans as a common onomasiological phenomenon also reflects national mentality. The results of study reveals common and specific features of loans in the above-mentioned languages.

Keywords: onomasiology; nomination; disease; loans; borrowing; terminology; Chinese; Russian.

Words often carry the whole volume of information about certain object and act as a regulator in the process of practical communication.

China has a long trading history with India, Persia, Burma, Korea, Japan and other countries. Intensive trading and cultural contacts inevitably influences languages; borrowing foreign words is a direct result of intercultural communication [1].

Prior to the Qing Empire (Qing dynasty), the number of borrowings in Chinese was very small. The history of loans in Chinese can be divided into several periods. The early period of the Qin dynasty and the Han dynasty. Intercultural communication and trade at that time were mainly with the Huns and Central Asian countries.

As a result, loans entered into Chinese along through the Great Silk Road. More large-scale waves of borrowings appeared in Chinese with the spread of Buddhism during the time of the Southern and Northern dynasties. Buddhism has had a huge impact on traditional Chinese culture, philosophy and of course on language. At that time, a lot of Sanskrit words were included in Chinese, such as 和尚 'monk', 罗汉 'arhat', 尼姑 'nun', 浮屠' pagoda ', 阎罗 'yama', etc., mainly religious terms. According to Liang Qichao, in the Big Dictionary of Buddhism their number amounted to 35,000 units [2, p. 145].

During the Qing Dynasty, a large number of words were borrowed from Indo-European languages. After the first opium war in 1840, the gates of the feudal empire were opened by guns and warships of the Western powers. Only then, with the advent of Western missionaries, foreign words penetrated into fields such as economy, politics, and medicine.

From that time, many common words also came into Chinese vocabulary, for example, 布丁 <Eng. pudding, 沙发 <Eng. sofa, 扑克 <Eng. poker, 拷贝 <Eng. copy, 凡士林 <Eng. Vaseline, etc.

Since ancient times, numerous Chinese words supplemented the Japanese vocabulary. The situation changed only after the Meiji Restoration in Japan. Japanese started westernizing, along with studying modern western political system and scientific disciplines, technologies, and it changed Japanese linguistic tradition thoroughly.

In Japanese, there are a huge number of Chinese characters, which gives preference to Chinese: today many Japanese words can be replenished to Chinese vocabulary without translation and transliteration. Now these words have already adapted well in Chinese, even in some cases they are indistinguishable from the original Chinese words.

In Chinese medical terminology, there is a special group of loans should be noted. The model *semantic translation* (most often appear with a suffix of Chinese origin), for example: 黄热病 'yellow fever' is derived from English *yellow fever* by semantic translation. The Chinese term 黄热病 consists of the morpheme 黄 [huang] 'yellow color' and 热病 [rebing] 'fever', where the English *yellow* corresponds to Chinese黄 and English *fever* to Chinese热病. Chinese黑死病 'black death' is derived from Eng. *black death* by semantic translation. The Chinese term 黑死病 consists of the morpheme 黑 [hei] 'black', 死 [si] 'death' and 病 [bing] 'disease' where English *black* corresponds to the Chinese morpheme 黑 and English *death* to Chinese 死, and 病 [bing] 'disease' – suffix of Chinese origin. Also in Chinese the term 恐 高 症 'acrophobia' is formed by semantic translation from internationalism *acrophobia* (<Greek $\kappa\rho\sigma\nu$ 'upper' + $\phi\delta\beta\sigma\varsigma$ 'fear'), where Chinese恐 'fear' corresponds to Greek $\phi\delta\beta\sigma\varsigma$ 'fear' and Chinese 高 'high, height' to the Greek $\delta\kappa\rho\sigma\nu$ 'top', and the Chinese suffix ϵ 'syndrome, disease' is added in the end.

In terms of Russian medical terminology, borrowing also has been a very habitual way of replenishing vocabulary for several centuries.

Borrowed medical terms of Greek and Latin origin, as a rule, came into Russian not from Greek or Latin directly, but from the international fund of medical terminology. Moreover, today, when people construct new terms, the reference to ancient Greek and Latin words and elements (roots and affixes) provides an international commonality and therefore a clarity of such terms for medical professionals from different countries. The obligation to learn Latin in medical educational institutions ensures the constant maintenance of this situation in medical communication.

Among the terms of Greek and Latin origin, it can be noted that, there are an amount of terms which have certain prefixes and suffixes, which can be dated back to their original languages, as well as compounds. The predominance of loan words in morphemes among terms in general and in particular in disease names is undoubted. It can be said that, non-derivative loan terms which fully correspond to a certain Greek or Latin root are rare. For example just like, Rus. *ангина* (Lat. *angina* 'suffocation') 'acute infectious disease manifested in inflammation of the pharyngeal mucosa, tonsils'; Rus. *zepnec* (Greek. *herpes*) 'a disease of human and animals caused by viruses and characterized by skin lesions (vesicular rash; deprive) on the lips, pharyngeal mucosa, eyes, etc.'.

It should be noted that, there is another small group of loan words in Russian – terms which derived from semantic translation, for example: Rus. *BИЧ* – вирус иммунодефицита человека 'human immunodeficiency virus' (the acronym for *ВИЧ* can be traced back to the internationalism HIV – human immunodeficiency virus); Rus. *СПИД* – синдром приобретенного иммунодефицита 'Acquired Immune Deficiency Syndrome' (СПИД <internationalism AIDS – Acquired Immune Deficiency Syndrome); Rus. *спидофобия* – болезненное состояние вследствие боязни заразиться СПИДом. 'painful condition due to fear of getting AIDS' (СПИД+фобия <AIDS+phobia).

Russian medical terminology also retains a considerable number of native Russian elements, despite the enormous influence of the international terminological system and globalization, which began in the terminological systems much earlier than in the language as a whole. For Russian, ethnic specific, motivated terminological units are very important, despite the fact that it may make it less convenient from the point of view of internationalization, and less convenient for the communications between medical professionals from different countries.

Original Russian disease names, primarily formed by morphemic derivation, are characterized by motivation and colloquial coloration.

Medical terminology is a subsystem that develops within the framework of the general linguistic system, and it is reflected in the most concentrated form, by the existing trends of the language development. In medical terminology, there are common linguistic phenomena such as the predominance of suffixing in the process of word-formation, and the desire for a metaphorical transferring of concepts, etc. The directional nature of medical terminology distinguishes it from common vocabulary of a language, but at the same time reveals the hidden possibilities of the linguistic nomination system. At the same time, in the functioning of the medical terminology, there are also some special laws related to the specifics of this field of vocabulary. One of these patterns is the activation of the processes of derivation and borrowing, due to the quantitative growth of medical concepts.

Bibliography

- 1. Сепир, Э. Язык. Введение в изучение речи / Э. Сепир; пер. с англ., вступ. ст. и примеч.: А. М. Сухотина; предисл.: С. Л. Белевицкий . М.; Л. : Соцэкгиз, 1934 . 223 с. Тит. л.: рус., англ. [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.classes.ru/grammar/145.Sepir/source/worddocuments/ix.htm.
- 2. 梁启超. 中国佛教研究史. 梁启超. Изд-во. 中国社会科学出版社. Пекин : Китайский социол-научный пресс, 2008. 334 с.
- 3. 三省堂国語辞典 Dictionary Sanseido Kokugo. Изд-во. 株式会社三省堂. Tokyo: Sanseido press, 1995. 1364 с.

4. 现代汉语大词典 (第五版) Словарь современного китайского языка (5-е изд.). Пекин: Коммерциал Пресс, 2005. – 1869 с.

ТАБЛИЧКА ИЗ КНОССА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ МЕЧА. ЛИНЕЙНОЕ ПИСЬМО Б.

Г. Г. Котова

Кандидат химических наук, Всесоюзный научно-исследовательский институт нефтепераработки, г. Москва. Россия

Summary. In the ancient Greece of the Crete - Mycenaean period, in the II millennium BC, there existed several writing systems: Hieroglyphic (~ 2000 - 1800 BC), Linear A (~ 1800—1500 BC) and Linear B (~ 1500—1200 BC). According to the works of M. Ventris, Linear B is syllabic and ideographic, and all the inscriptions are in ancient Greek language. In the present work the deciphering inscriptions on the tablet from Knossos number Ra 1540 (by Chadwick) relating to the «Linear B». It is shown that the text is written in dialectal Russian language with alphabetic, consonant – vocalic writing.

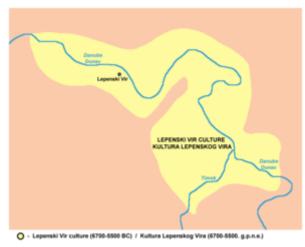
Keywords: writing system of Crete; alphabetic letter in Crete; Linear B; Knossos tablet № Ra 1540; Slavic writing of the II millennium BC.

Считается, что буквенный алфавит в Греции появился в IX в. до н.э. [14, с. 30], его, по легенде, привез финикиец Кадм [3, V 58]. В этом алфавите было 16 букв: A, B, Г, Δ, Е, H, I, К, Л, М, N, О, П, Р, Σ, Т [19, с. 15]. Но есть «свидетельства древних», пишет А. Д. Чертков, «что Пеласги, и до прибытия Кадма, знали уже грамоту и что первоначальная азбука была передана им Музами» [19, с. 14]. И приводит следующие два факта в обоснование существования письменности до Кадма у пеласгов: 1. По словам Дионисия Галикарнасского, еще в его время «в Додоне сохранялись медные сосуды, принесенные в дар храму Троянами, с надписями эпохи взятия Илиона (Dion. Halykarn. I, 10)», это рубеж XIII–XII вв. до н.э.; 2. «Пеласги, прибывшие из Аркадии, научили жителей древней Италии читать и писать, а Т. Ливий это подтверждает, прибавляя, что Пеласг Евандр из Аркадии первый ввел в употребление азбуку между племенами, жившими по Тибру, и потому был причастен к сонму богов (D. Halyk. I; T. Livii I, 7)», и произошло это за 650 лет до Демарата, который по свидетельству Тацита в 660 г. до н.э. привез из Коринфа этрускам греческие буквы (Tacit. Annal. XI, 14) [19, с. 16]. Это примерно 1310 г. до н.э. Из приведенного материала следует, что и в Северной Греции, в Эпире, и на Пелопоннесе, в Аркадии, а также в Трое в период с конца XIV по XII вв. до н.э. была письменность. И троянцы, и пеласги Эпира, очевидно, хорошо понимали друг друга, также, как хорошо понимали друг друга троянцы и ахейцы Пелопоннеса («Илиада»).

Кто такие Музы? Музы, Мёзы, Мисы, Мушки (ассир.), лат. *Moesi*, др.-греч. Μυσοί были, согласно Страбону, фракийцами, жившими в первом

тысячелетии до н.э. на территории между Нижним Дунаем и Балканскими горами. В Троянскую войну они пришли с берегов Истра (др. – греч. название Дуная) на северо – запад Малой Азии (древняя Мизия), потеснив живших здесь фригийцев (рис. 1), и были на стороне троянцев. Считается, что язык Мизов родственен фригийскому и лидийскому. Лидийский язык, согласно нашей расшифровке – это диалектный русский язык [6, с. 133]. Музы или Мёзы во Фракии жили на территории, которая в настоящее время включает в себя, в том числе, и сербскую долину Тимок (река Тимок – правый приток Дуная) недалеко от Железных Ворот на Дунае (рис.2). Но. именно, недалеко от Железных Ворот (так называется сужение в долине Дуная в месте сближения Карпат и Старо-Планины на границе Сербии и Румынии) находились Лепенский Вир и чуть выше по Дунаю Винча, где в VII-V тыс. до н.э. зародилось буквенное письмо, сохранившееся до I тыс. до н.э. [Р. Пешич, 16]. Музы жили по соседству с жителями Лепенского Вира и Винчи, могли перенять у них буквы и буквенное письмо и передать эти знания грекам задолго до Кадма. Как воспоминание о древних музах и исторической Мёзии на северо – западе Болгарии в настоящее время имеется город Мизия. Потоп, случившийся после извержения вулкана на о-ве Санторин (Фера) в середине II тысячелетия до н.э., уничтожил большую часть жителей древней Греции, также уничтожил и все ими написанное. Буквы сохранились только у небольшой части Пеласгов, от чего они стали называться Пеласгийскими [19, с. 14]. Это написал А. Д. Чертков в середине 19 века. Крито-микенскую цивилизацию открыли в конце 19 начале 20 века (Г. Шлиман, А. Эванс). Оказалось, что в результате извержения вулкана, пожаров и потопа, пропало не все. Были найдены глиняные таблички с надписями на линейном письме А (~1800-1500 гг. до н.э.) и линейном письме Б (~1500-1200 гг. до н.э.) (А. Эванс). Таблички с линейным письмом Б были найдены не только на Крите (Кносс, Фест, Малия, Хагия, Триада), но и в материковой Греции (Пилос, Микены, Тиринф, Коринф). Линейное письмо Б было расшифровано усилиями таких исследователей, как А. Эванс, Б. Грозный, В. Георгиев, Э. Е. Кобер, Э. Беннет, М. Вентрис, Челвик. Оно. согласно Вентрису, Дж. M. является слоговоидеографическим и написано древнегреческим языком.

Puc. 1. **Мизия на карте Анатолии [21].** *Puc. 2.* **Долина Тимок и Лепенский Вир [22].**

Мы прочитали надпись на «Табличке с изображением меча (по Чедвику)», прорисовку которой нашли в книге У. Тейлора «Микенцы» [17]. Эта прорисовка показана на рис. 3.

Рис. 3. **Табличка с изображением меча.** Источник: У. Тейлор «Микенцы» [17, с. 184].

Табличка найдена в Кноссе и имеет, согласно Дж. Чедвику, номер Ra 1540 [18, с. 211]. Остается неизвестным, к какому более точному времени в интервале 1500—1200 гг. до н.э. она относится, а также ее размер, который, скорее всего, был не меньше восьми сантиметров, так как, по словам У. Тейлора, все таблички «представляют собой прямоугольные кусочки глины, примерно восемь сантиметров в длину, другие чуть побольше и почти квадратные, остальные длинные, узкие, конусообразные или напоминают пальмовый лист» [17, с. 30].

На исследуемой табличке можно насчитать восемь знаков. Один из них является рисунком, и сначала мы предположили, что это идеограмма, но в процессе дешифровки оказалось, что рисунок меча является логограммой, т.е. его надо обязательно прочитать. Сразу можно сказать, что 1, 2 и 5 знаки — это лигатуры, с двумя из них, 1 и 5, мы ранее встретились при чтении протобиблских надписей, относящихся к середине II тыс. до н.э.

Третий знак с чтением [k] был замечен в надписях Лепенского Вира, круглой тэртерийской таблички, у этрусков, в одной трипольской надписи, а также в протобиблских, финикийских и двух иберийских надписях. Четвертый знак в виде кружочка с перекрестием внутри — это графема буквы Т. Такая буква Т в виде большого кружочка пустого или с рисунком внутри встретилась нам ранее при чтении древнегреческих, этрусских, карийских, финикийских надписей, а также при чтении протопалестинского текста, текста на Лемносской стеле и на иберийской вазе из Лирии.

После транскрипции буквами русского алфавита и разделения на слова получилось шесть слов:

ТЧ ХУП КТИИ ЛЗ «МЕЧА» ШИИ

Чтение: ТоЧи ХУПо КаТИИ ЛеЗом «МЕЧА» ШИИбко.

Перевод: ТОЧИ ЛОВКО и БЕЙ ЛЕЗОМ «МЕЧА» СИЛЬНО.

Пояснения к тексту:

<u>Первый знак</u> — это лигатура букв Т и + (Ч). Такая лигатура ранее 20 раз встретилась в протобиблских надписях с прочтением ТЧ, ЧТ, СТ (чтение автора) и в протопалестинской надписи на бронзовом кинжале из Лахиша в слове ТОЧИТ [8, с. 62]. На рассматриваемой табличке также лигатурой букв Т, Ч воспроизведено слово ТОЧИ.

Второй знак — лигатура трех букв X, У, П, составляющих слово ХУПО, ЛОВКО. Такое слово ранее было замечено в надписи с острова Фера (креси топором хупо) [12] и в протобиблской большой бронзовой табличке в виде наречия ХУП (чтение автора). Графема буквы X в этой надписи похожа на ранее найденную у каров [9, с. 290], см. рис. 4. В. Даль [4]: хупавый (зап.) — ловкий. Букву У можно выделить в виде знака У или V. Нижняя часть лигатуры — это буква П. Аналогичного рисунка графемы буквы П присутствовали в винчанских, древнегреческих, этрусских, ликийских и протобиблских надписях.

<u>Третий знак</u> – буква К. Такая графема с чтением [k] встречается в этрусских надписях [7, с. 102], есть в финикийской эпитафии из Ларнаки и финикийской надписи Иехимилка из Библа (чтение автора), в протобиблской надписи (чтение автора), в надписях винчанских и Лепенского Вира [11], трипольских и иберийских (чтение автора).

<u>Четвертый знак</u> — буква Т. Буква Т в виде разных кружочков найдена в Лемносской надписи [7, с.21; 13], у этрусков и умбров [7, с. 187, 211], карийцев [9, с. 290], финикийцев [10, с. 50], в протопалестинской надписи [8, с. 64], на иберийской вазе из Лирии (чтение автора) и в рассмотренных ранее древнегреческих текстах [12].

<u>Пятый знак</u> — горизонтальное написание двух букв I (И) и под ними - лигатура букв \land (Л) и S (3). Буквы I (И) с буквами К и Т составляют слово КаТИИ, КАТИИ, БЕЙ: + \bigcirc — В. Даль [4]: катать (кого, чем) — сечь, бить; катка — сечение, телесное наказание; катаница (ударение на первом слоге) — катка, порка, драка; задать катаницу. Лигатурой букв Л, 3 написано слово ЛеЗом, ЛЕЗОМ, тв.п. ЛЕЗО — лезвие [4]. Слово ЛЕЗО ранее встрети-

лось в протопалестинской надписи на бронзовом кинжале из Лахиша: *сий лоб лезо си точит* [8, с. 62].

<u>Шестой знак</u> – картинка. Нарисован меч. Это логограмма, читаем словом в р.п. «МЕЧА». Логограмму мы заключили в кавычки.

Седьмой знак — это три горизонтальные черточки, нарисованные одна под другой. Мы предположили, что это не до конца прорисованный знак буквы Ш, поскольку ранее в трех протобиблских, а также и в иберийской надписи (чтение автора), уже наблюдали для обозначения буквы Ш такие же три черточки, но только перечеркнутые вертикалью, а в финикийской надписи Ахирама [10] вертикаль с тремя горизонтальными черточками обозначала букву X.

Восьмой знак — две черточки, нарисованные одна под другой. Это две буквы I (И). Соединяем седьмой и восьмой знаки в слог ШИИ, и сразу напрашивается слово ШИИбко, СИЛЬНО. В. Даль [4]: шибко — сильно, крепко, жестоко, очень; шибать — бросать, метать, бить броском; шибить камнем (арх.- шнк.) — ударить швырком.

Итак, текст на табличке написан буквенными знаками с использованием трех лигатур и одной логограммы и на диалектном русском языке.

На рис. 4 показан алфавит текста и лигатуры, в нем используемые. Найдено 10 букв, из них 2 гласные — это И и У. Букве Т соответствуют две графемы. Большинство букв находится в лигатурах.

$$- + \bigvee_{X} \bigvee_{X} \bigvee_{X} \bigvee_{X} \bigvee_{X} \downarrow_{X} = \bigvee_{X} \bigvee_{X$$

Puc. 4. Алфавит и лигатуры (* – буква в лигатуре)

На рис. 5 мы сопоставили значения знаков в буквенном (наша интерпретация) и слоговом выражении (интерпретация М. Вентриса и Дж. Чедвика). Оказалось, что некоторых знаков из надписи в таблице Дж. Чедвика нет [18, с. 251].

34aku Fekcie	Hawa uninepn	betazua	Uttepaperayur Dok. Tegbuka
Ŧ	T+ T4 t	ch	[to]
+	K	戊	[pa]
\otimes	T	t	[KA]
×	х а U	khup	_
	N N N N N N N N N N N N N N N N N N N	ii IZ	_
Ξ	丰 Ш	sh	_

Рис. 5. Сопоставление знаков в буквенной и слоговой интерпретации

Из дешифровки этой небольшой надписи следует, что

- у древних греков (ахейцев, пеласгов) и до IX в. до н.э., то есть, до Кадма, а именно во второй половине II тыс. до н.э., была буквенная, консонантно вокалическая письменность с использованием лигатур, логограмм, идеограмм и аллографов;
- буквы и их фонетика из кносской надписи № Ra 1540 аналогичны буквам и их звучанию в винчанских, древнегреческих архаического периода, протобиблских, этрусских, карийских, финикийских и иберийских текстах:
- в данном тексте найдено 10 букв, из них 8 согласных и 2 гласные буквы это И, У. Буквам соответствует 11 знаков. Звук И долгий [ии], встречается 2 раза. Букве Т соответствуют 2 графемы. Есть 3 лигатуры;
- текст написан на диалектном русском языке, следовательно, на Крите во II тысячелетии до н.э. жили предки русских и славян;
 - линейное письмо Б не является слоговым письмом.

Линейное письмо Б появилось на Крите и в материковой Греции (Пилос, Микены и др.) в середине II тыс. до н.э. с приходом ахейцев в 1450 г. до н.э. и исчезло в 1200 г. до н.э. с завоеванием острова дорийцами. До письма Б на Крите было линейное письмо А, которое мало чем отличается от письма Б. Многие знаки Б аналогичны знакам А, но, кроме простых знаков, в обеих системах есть много лигатур, для составления которых не было жестких правил, поэтому сложные лигатурные знаки различаются. Идеограммы могут также различаться, а использование лигатур и идеограмм обусловлено необходимостью компактного размещения слов на маленьких табличках. Надпись линейным письмом Б на исследуемой табличке № Ra 1540, также, как дорическая надпись из Тегеи и древнегреческие надписи архаического периода (Афины, Коринф, о. Фера и др.), согласно

нашей дешифровке [12], осуществлены на диалектном русском языке. Можно предположить, что и жители Крита периода 1800—1500 гг. до н.э., так называемые, этеокритяне, применяющие линейное письмо A, также говорили на языке, имеющем славянскую природу.

Необычные буквенные графемы +, \otimes пришли из эпохи мезолита и неолита и дожили до конца I тысячелетия до н.э. в своем первоначальном звучании, поскольку все перечисленные ниже надписи, разделенные временем, расстоянием и культурами, в которых они были найдены, составлены на одном языке, а именно, на диалектном русском языке:

- «сферический камень», культура Лепенского Вира, 7000-5500 гг. до н.э.;
- круглая тэртерийская табличка, винчанская культура, 5500 г. до н.э.;
- пряслице из села Райки, трипольская культура, 2100 1700 гг. до н.э.;
- бронзовая табличка и спатула, протобиблское письмо, конец III середина II тыс. до н.э.;
- кносская табличка № Ra 1540 линейного письма Б, Крит, 1500 1200 гг. до н.э.;
 - финикийская надпись Иехимилка, Библ, XI в. до н.э.;
- иберийский артефакт, Португалия, Эспанка (Кастро Верде), VII в. до н.э.;
 - тартесская надпись, иберийский текст, І тыс. до н.э.;
 - финикийский текст, Кипр, Ларнака, IV в. до н.э.;
 - этрусский камень из Перуджи, III в. до н.э.;
 - этрусская таблица из Кортоны, III II вв. до н.э.

Графема ⊗ и ее варианты О ⊗ Ф О Ф ⊖ ⊝ с чтением [t] присутствует в:

- винчанской азбуке, неидентифицированный Р. Пешичем согласный звук, V тыс. до н.э.;
- кносской табличке № Ra 1540 линейного письма Б, Крит, 1500 1200 гг. до н.э.;
- протопалестинской надписи на камнях фундамента Иерусалимского храма, 1300 – 1200 гг. до н.э.;
 - финикийской надписи Ахирама, Библ, XIII в. до н.э.;
 - финикийской надписи Шипитбаала, Библ, Х в. до н.э.;
 - карийских надписях, VII III вв. до н.э.;
 - надписи на Лемносской стеле, VII в. до н.э.;
- греческих надписях архаического периода (ахейцы, дорийцы), VIII–VII вв. до н.э.;
 - этрусских азбуках и надписях, І тыс. до н.э.;

- Игувинских таблицах умбров, IV I вв. до н.э.;
- иберийской надписи, найденной на юге Португалии, Эспанка, Кастро Верде, VII в. до н.э.;
 - иберийской Тартесской надписи, І тыс. до н.э.;
 - иберийской надписи на вазе из Лирии, І тыс. до н.э.

Графема \overline{T} , являющаяся лигатурой двух знаков Т и +, читается как [тч] в:

- протобиблских спатулах и бронзовых табличках, конец III середина II тыс. до н.э.;
- протопалестинской надписи на кинжале из Лахиша, 1700 1550 гг. до н.э.;
- кносской табличке № Ra 1540, линейного письма Б, 1500 1200 гг. до н.э.

В книге У. Тейлора «Микенцы» показан фрагмент кратера с изображением колесницы [17, с. 174]. На туловище коня нарисованы семь обережных солнечных знаков. Они свидетельствуют о почитании критянами солнца и, возможно, именно божества солнца Ра, поскольку такое божество

Рис. 52. Фрагмент кратера с изображением колесницы (предоставлен Элен Уэйс)

Рис. 6. **Фрагмент кратера с изображением колесницы**. Источник: У. Тейлор [17, с. 174].

Мы нашли в наскальной надписи с острова Фера VIII в. до н.э. [12]. Сочетание коня и солнечных знаков было характерно для славянских верований. Т. Воланский при описании древних славянских монет, на реверсе которых были изображены конь и солнце, называет фигуру коня «солнечным конем» или «священным конем, посвященным солнцу» [2]. Историк Ю. Д. Петухов отмечает, что у древних ариев и среднеазиатских скифов конь также считался священным животным, посвященным верховному божеству — Солнцу [15, с. 321–322]. А.С. Фаминцев расширяет и объясняет эти утверждения таким образом, что и в Ведах «Конь, или даже одна конская голова как олицетворение быстроты, с которою распространяются лучи света, служили первоначальной зооморфической формой утреннего или весеннего солнца. Конь с солнцем во лбу, очевидно, есть олицетворение бога солнца» [20]. А. Н. Афанасьев приводит народные предания, согласно которым Солнце передвигается по небу в колеснице, запряженной конями, а солнечные лучи — это вожжи или поводья. «У

многих народов Заря Утренняя почиталась богинею, которая выводит на небо блестящих лошадей Солнца, а Заря Вечерняя — богинею, которая уводит их на покой» [1, с. 143]. И до сих пор на конских удилах встречаются обережные солярные знаки. Мы считаем, что совмещение солярного знака с фигурой коня может служить маркером принадлежности данного артефакта и надписи, на нем присутствующей, если таковая есть, к славянским языкам и культурам.

На Крите, кроме поклонения Богине-Матери, существовал культ божества Минотавра, молодого человека с бычьей головой. Этот красивый миф, вероятно, был создан на основе древнейшего, идущего из мезолита, народного почитания бога Велеса, первое письменное упоминание о котором мы нашли в надписи из Лепенского Вира, 7000 г. до н.э. [11]. Могущество Велеса воплощается в образе быка, и символом его служат даже рога, см. рис. 7. Упоминание Велеса есть в прочитанных греческих надписях архаического периода [12], а также еще в табличках «линейного письма А» и «линейного письма Б» (чтение автора). В настоящее время на карте Греции можно найти города Велестинон и Волос. На рис. 8 на артефакте из Кносса середины II тысячелетия до н.э. изображены оба главных божества Крита: Богиня — Мать и Велес. Велес в виде бычьих рогов. И вверху лабрис — символ власти.

Рис. 7.

Рис. 8.

Puc. 7. Стена святилища в Кноссе с изображением священных рогов, XVI в. до н.э. [23].

Puc. 8. Печать с изображением женщины между грифонами из Кносса. Оникс. Ок. 1450 – 1400 до н.э. [24].

Библиографический список

- 1. Афанасьев А.Н. Древо жизни.- М., 1983.
- 2. Воланский Т. Письма о славянских древностях. СПб., 2010.
- 3. Геродот. История: в 9-ти кн. / пер. и прим. Стратановского Г.А.- М., 2004.
- 4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989.
- 5. История Древней Греции под ред. В.И. Авдиева, А.Г. Бокщанина и Н.Н. Пикуса. М., 1972.
- 6. Котова Г.Г. Два лидийских текста // Материалы Пятого международного конгресса «Докирилловская славянская письменность и дохристианская славянская культура». 15 17 мая 2012 г. СПб., 2013. С. 133 139.
- 7. Котова Г.Г. Этрусские тексты: Новое прочтение.- М.: изд. центр РГГУ, 2010.

- 8. Котова Г.Г. Протопалестинские надписи // Материалы международной научнопрактической конференции «Славянские языки и культура. История и современность». 15-17 мая 2014 г. - СПб., 2014. - С. 59-69.
- 9. Котова Г.Г. Карийские тексты // Материалы IV международного конгресса «Докирилловская славянская письменность и дохристианская славянская культура». 24-26 мая 2011 г. Том І. М., 2012. С. 276 291.
- 10. Котова Г.Г. Финикийские тексты // материалы Пятого международного конгресса «Докирилловская славянская письменность и дохристианская славянская культура». 15-17 мая 2012 г. СПб., 2013. С. 32 61. С. 150 162.
- 11. Котова Г.Г. Буквенная письменность в VII II тыс. до н.э. на Балканах // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77 6567, публ. 24504, 21. 05. 2018. http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/005a/02111181.htm
- 12. Котова Г.Г. Древнегреческое письмо // «Академия Тринитаризма», М., Эл. №77-6567, публ. 24219, 25.01.2018. http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/005a/02111180.htm
- 13. Котова Г.Г. Лемносская стела // «Академия тринитаризма», М., Эл. № 77-6567, публ. 18205, 18.09.2013 г. (порядок доступа http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/005a/02111166.htm).
- 14. Куманецкий К. История культуры Древней Греции и Рима. М., 1990.
- 15. Петухов Ю.Д., Васильева Н.И. Русы Великой Скифии. М., 2008.
- 16. Пешич Р. Винчанское письмо и другие грамматологические очерки.- Краснодар, 2010.
- 17. Тейлор У. Микенцы. М., 2003.
- 18. Чедвик Дж. Дешифровка линейного письма Б // «Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки». Сборник статей. Дьяконов И.М. (ред.). М., 1976. С. 109 251.
- 19. Чертков А.Д. О языке пеласгов, населивших Италию, и сравнение его с древлерусским. М., 1855.
- 20. Фаминцев А.С. Божества древних славян.- СПб., 1884.
- 21. URL:https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/b/b0/Classical_antiquity_h istorical_territory_of_Minor_Asia_%28ru%29.jpg/450px-Classical_antiquity_historical_territory_of_Minor_Asia_%28ru%29.jpg
- 22. URL:https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/9/95/Lepenski_vir_culture.png/450px-Lepenski_vir_culture.png
- 23. URL: https://studfiles.net/preview/5603281/page:6/
- 24. URL: https://studfiles.net/preview/5603281/page:6/

VI. LITERATURE AND ART OF SLAVIC NATIONS: DIALECTICS OF AUTHENTIC AND IMPOSED, NATIONAL AND UNIVERSAL

НАСЛЕДИЕ МИШЕЛЯ ДЕ МОНТЕНЯ И УКРАИНСКАЯ ЭССЕИСТИКА СОВРЕМЕННОСТИ: ТОЧКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Т. М. Шевченко

Кандидат филологических наук, доцент, Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, г. Одесса, Украина

Summary. The following article analyses Michel de Montaigne's impact on essays by modern Ukrainian writers, particular emphasis is made on the humanistic and philosophic ideas of the French writer and how they are regenerated in modern works of literature. The writer's "self" becomes an integral part of works that belong to the new type, thus implying that the "content of my book is me". This approach starts to get widely used in essays by modern Ukrainian writers. In his works Montaigne uses an extensive range of techniques such as high proactivity, compilation of essay collections in one, unusual details, unexpected turns of thought which are represented as the author's personal standpoint, frequent usage of dialogues, broad thesaurus, fascinating operation of information in the text etc. All the techniques mentioned above, are widely represented in modern Ukrainian essays. The article elaborates on the issues of spirituality and personality that are described with words and are of high interest to the addressee. Both old and modern essays are a form of philosophical reflection, where history and culture are spiritual entities of a person.

Keywords: genre; Montaigne; literary essay; compilation; reflection.

Мишель де Монтень (1533–1592), известный французский мыслитель, автор знаменитой книги "Опыты", давшей начало новому жанру – эссе – считается последним философом эпохи Возрождения, идеи которого стали основой мировоззрения многих деятелей эпохи Просвещения. По мнению М. Монтеня, основу знаний составляет опыт. Наиболее ценными знаниями он считал те, которые получены исключительно эмпирическим путем. Книга «Опыты», популярная вот уже 400 лет (в 2018 году весь мир отмечал 485 лет со дня рождения мыслителя), считается второй книгой по популярности и цитированности после Библии в мире.

Научная рефлексия книги «Опыты» позволила прийти к выводу, что следует различать жанр и метод эссе. Основным преимуществом перед другими формами эссе как содержательной формы является его естественность и свобода выражения мыслей: «Суть жанра — в попытке высказаться, "выговорить" созревшие на душе мысли», главная особенность жанра —

«"естественность" – непосредственная запись внутренних духовных движений, без жесткой литературной обработки» [4, с. 46].

Автор эссе как бы находится наедине с читателем и ведет с ним доверительный разговор. Предметом этого диалога может быть что угодно, в эссе допустима любая тема — философская, нравственная, социальная, научная, и главный художественный смысл эссе состоит в том, что автор предлагает читателю оригинальные, неожиданные точки зрения на затронутую тему. Метод эссе — это своеобразное обнажение познающего сознания, вступающего в контакт с окружающим миром, в котором сознание и объект на какой-то миг определяют друг друга: «Эссеистический подход обязательно предполагает универсальное значение трактовки даже частной темы и характеризуется в функциональном плане доминированием функции убеждения. Эссе путем переубеждения навязывает читателю авторскую версию, иногда вуалируя это намерение созданием иллюзии объективности"[5].

Жанр и метод эссе, сформированные школой Монтеня, со временем становятся популярными в европейских литературах, интерес к ним то угасает, то увеличивается в разные периоды развития словесного творчества. Так, в Англии и Франции эссеистическая форма была на пике популярности именно в эпоху Просвещения, начиная с XVII в. В XVII ст. философское эссе было востребовано в немецкоязычных странах. В Польше эссе чаще всего ассоциируется с романтическим эссе-рассказом на свободную тему.

Сегодня эссе стало очень популярным жанром в украинской литературе начала XXI ст. Большинство современных писателей активно используют идеи и методы Монтеня для создания собственной концепции мира и человека, оперируя при этом всеми возможностями образного слова. Жанр эссе, можно сказать, сейчас пребывает на пике популярности, ибо в предыдущие эпохи он использовался не часто. К нему практически не обращались писатели в XIX ст. В XX веке эссе уступало месту очерку, более активно к нему прибегали писатели – представители украинской диаспоры: Юрий Шевелев (Шерех), Василий Барка, Евгений Маланюк.

Вполне понятно, что в эпоху переходности к. XX-начала XXI в. на первый план выходят произведения, в которых прошлое становится почвой осмысления современности с целью поиска собственной сущности. Таким произведением сегодня является эссе. Вот лишь короткий перечень тех авторов, чьи эссеистические сборники вышли в свет за последнее время: И. Андрусяк, Ю. Андрухович, А. Бойченко, А. Бондарь, И. Бондар-Терещенко, С. Грабарь, В. Габор, Л. Дереш, А. Днестровой, С. Жадан, Ю.Издрык, О. Забужко, В. Карпьюк, Е. Кононенко, И. Лучук, Б. Матияш, В. Махно, В. Мельник, К. Москалец, Г. Пагутяк, С. Пыркало, Т. Прохасько, С. Процюк, М. Рябчук, И. Ципердюк, Л. Ушкалов и другие. Так, в книге эссе Е. Барана «Недописанная книга» читаемпро причины писательского интереса к этому жанру: «Мне всегда не хватало собеседника. До того

времени, пока я понял, что самым лучшим моим собеседником являюсь я сам (потому, что каждая прочитанная мной книга является разговором с самим собой» [2, с. 17]. О. Гнатюк, исследуя причины популярности эссе в польской литературе во второй половине XX века, отмечает, что этот жанр «предусматривает абсолютную интеллектуальную свободу, исключая любой догматизм, пропаганду и вообще подчинение тем или тем требованиям, правилами утилитарным потребностям. Погибает везде, где утверждается тоталитаризм, где не остается наименьшего лоскутка свободы. Своей сутью сопротивляется тоталитарной идеологии" [3, с. 135].

Конечно, если тоталитарная идеология исчезает, открывается незаурядное пространство самовыражения, личностного мышления, наглядного познания себя и мира. Все эти возможности в украинской литературе сегодня аккумулирует эссе, которое в отдельных случаях вытесняет роман, повесть, новеллу, ассимилируясь с ними, образовывая новые гибридные формы и их вариации. Современные украинские писатели считают эссеистическое творчество полностью самодостаточным (и при этом не второстепенным!) видом своей деятельности, метод Монтеня сегодня становится полноценной частью научного, публицистического, художественного дискурсов, издательства массово издают сборники и коллекции эссе писателей, критиков, часто сами инициируют выход издания именно в таких форматах. Блоги, колонки, одиночные эссе объединяются в сборники, впоследствии – в серии и другие продолжаемые издания. Научная эссеистика тоже становится обычной реалией нашего времени: немало исследователей все более отдают предпочтение не специализированному сборнику научных статей, а сборнику статей и эссе, собственно, эссе. Например, В. Агеева, И. Лучук, Р. Семкив, Л. Ушкалов и др.

Сегодня эссе многоаспектно исследуется, проводятся многочисленные конкурсы, фестивали, посвященные творческому наследию Монтеня, вручаются премии – стоит вспомнить хотя бы премию для авторов модерной эссеистики имени Ю. Шевелева, лауреатами которой уже стали А. Бойченко, В. Кебуладзе, А. Любка, К. Москалец, А. Портнов и др. Словом, произведение, когда-то придуманное Монтенем, стало частью современного культурного и художественного дискурсов в современных украинских культурологических реалиях, вытеснив фельетон, памфлет, а, в отдельных случаях, и очерк, комментарий, новеллу, рассказ или ассимилировавшись с ними, как и с большими прозаическими формами. На наш взгляд, эссе приобрело статус дискурсивной практики: имеется в виду склонность и возможность большого количества писателей заниматься близким по форме и содержанию художественным творчеством в определенный период времени, исходя из одинаковых культурных реалий (в первую очередь, речь идет о речевом и языковом аспектах художественного наследия).

Современные украинские писатели Ю. Андрухович, О. Забужко, Ю. Издрык, Г. Пагутяк, С. Процюк, В. Неборак, и др. активно прибегают к

практикам и техникам эссе, впервые апробированные Монтенем, и развивают их возможности. В частности, практически неизменными остались цели и задачи эссеиста прошлого и современности: воздействие на эмоции и интеллект адресата, активизация его мыслей и чувств, установка на убеждение в истинности индивидуально-авторского, часто парадоксального мнения о том или ином предмете отображения. Как и Монтень в «Опытах», современные эссе побуждают читателя к мыслительным действиям, проясняют интеллектуальные и духовные моменты, оправдывают или опровергают то или иное положение, ситуацию, приглашают к соразмышлению, к сопереживанию, в целом, транслируют читателю свое мировидение и свою систему ценностей, при этом демонстрируя исключительный уровень эссеистического мастерства. Его составляющими являются, в первую очередь, умение рассказывать о болезненных проблемах действительности не ультимативно и безапелляционно, а сквозь призму произведений искусства прошлого и современности, с помощью всего арсенала художественных техник и практик, а, во вторую, раскрывать сущность творческой личности, показывать свое сознание как развивающуюся субстанцию, готовую к парадоксам и экспериментам. Например, для Ю. Андруховича важными темами, пропущенными через сознание, являются европейские ценности и поиск собственной уникальности, разрыв с советским прошлым. Он постоянно ищет точки соприкосновения украинской и европейской ментальностей, иходя из прошлого и современности. О. Забужко, в первую очередь, защищает культурологические и эстетические ценности, считая именно культуру прошого и настоящего фундаментом формирования современного украинца и, вообще, человека современного. К. Москалец же, в частности, обосновывает формирование личности через причастность ее к высокому искусству, к литературе, в первую очередь. И. Андрусяк объясняет сущность творческой личности в контексте литературных и окололитературных вопросов. С. Процюк увлекается психоанализом, его всесторонне интересует писатель как творческая личность. Т. Прохасько активно прибегает к самоанализу и анализу окружения, наблюдения за всем и вся, моделирует собственное «я», активно привязываясь к существующим реалиям, учитывает все противоречия и характеристики современной Украины. Истоки позиций всех без исключения авторов эссе в современной украинской литературе следует искать в их же поэтическом или эпическом творчестве, для них эссе становится новым поворотом писательской деятельности, ее неким продолжением.

Монтеневское авторское «я», ставшее основой формирования произведения нового типа («содержание моей книги – я сам») находит активное развитие в современной украинской писательской эссеистике. Использование нетипичных деталей, оригинальных поворотов мысли, подающихся под неожиданном ракурсом «авторского зрения», предрасположенность к диалогу, повышенная инициативность, высокая степень компетентности, обширный тезаурус, идеальный опыт оперирования текстовой информаци-

ей – вот далеко не полный перечень монтеневских приемов, активно используемых в современной писательской эссеистике.

Интересно, что большинство эссеистов современности составляют свои сборники эссе по тому же принципу, что и Монтень: свободно, независимо, без единого, наперед заданного, принципа. Тексты в книгах, как и в «Опытах», можно читать в свободной последовательности, с любого места. Современные эссеисты, как и Монтень, часто переписывают свои произведения, постоянно видоизменяя их, поэтому нередко тексты сосуществуют в нескольких редакциях, одновременно функционируют (полностью или частично) как литературное произведение, пост в соцсети, газетная публикация, часть интервью и т. д. Сегодня эссе, произвольно объединенные в сборнике, - преднамеренно использованный постмодернистский прием ризомы, истоки которой восходят еще к М. Монтеню. Конечно, ни о каком постмодернизме во времена позднего Возрождения не могло быть и речи, однако, все попытки исследователей современности выстроить стройную композицию «Опытов» оставались только попытками. Исследователь мирового литературного наследия С. Артамонов обратил на это внимание: «Он [Монтень] писал без любого плана, и композиция его книги, как и отдельных частей, самая причудливая, если вообще можно в данном случае говорить о какой-то композиции» [1, с. 89].

Какие же причины того, что сегодня монтеневский жанр, возрожденный в украинской литературе к. XX — нач. XXI ст., переживает свое второе рождение? Главные из них — повышенный интерес к индивидуальности. Духовный опыт личности, обозначенный в слове, неотъемлемый момент ее духовного самоопределения, значимый и интересный для современного читателя. В эссе как в одном из видов философской рефлексии культура и история становятся духовной сущностью личности, так как в спонтанном сопряжении культурного и исторического автор созревает как творческая духовная личность в новом качестве, которая способна, руководствуясь собственной идеей человека как "высшей точкой зрения", созидать новое в духовной культуре. А именно такие творческие личности ценятся в наше время.

Библиографический список

- 1. Артамонов С. Сорок веков мировой литературы. В 4 кн. Кн. 3. Литература эпохи Возрождения. М.:Просвещение, 1997. 224 с.
- 2. Баран €. Недописана книга... Щоденникові медитації, афоризми. Луцьк: Твердиня, 2016. 104 с.
- 3. Гнатюк О. Між літературою і політикою. Есеї та інтермедії. К., 2012. 135 с.
- 4. Дмитровский А. Л. Жанр эссе: к проблеме теории // Челябинский гуманитарий. 2013. № 3(24). С. 37-51.
- 5. Лямзина Т. Жанр эссе (к проблеме формирования теории) // http://psujourn.narod.ru/lib/liamzina_essay.htm (дата обращения: 10.11.18).

ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ, КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ» В 2018–2019 ГОДАХ

Дата	Название				
3–4 декабря 2018 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления				
5-6 декабря 2018 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук				
15–16 января 2019 г.	Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты				
17–18 января 2019 г.	Развитие творческого потенциала личности и общества				
20–21 января 2019 г.	Литература и искусство нового века: процесс трансформации и преемственность традиций				
25-26 января 2019 г.	Региональные социогуманитарные исследования: история и современность				
5-6 февраля 2019 г.	Актуальные социально-экономические проблемы развития трудовых отношений				
10-11 февраля 2019 г.	Педагогические, психологические и социологические вопросы профессионализации личности				
15-16 февраля 2019 г.	Психология XXI века: теория, практика, перспективы				
16-17 февраля 2019 г.	Общество, культура, личность в современном мире				
20-21 февраля 2019 г.	Инновации и современные педагогические технологии в системе образования				
25–26 февраля 2019 г.	Экологическое образование и экологическая культура населения				
1–2 марта 2019 г.	Национальные культуры в социальном пространстве и времени				
3–4 марта 2019 г.	Современные философские парадигмы: взаимодействие традиций и инновационные подходы				
15–16 марта 2019 г.	Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность				
20-21 марта 2019 г.	Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика				
25-26 марта 2019 г.	Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований				
29-30 марта 2019 г.	Развитие личности: психологические основы и социальные условия				
5-6 апреля 2019 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия				
7–8 апреля 2019 г.	Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира				
10-11 апреля 2019 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке				
15–16 апреля 2019 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек				
18–19 апреля 2019 г.	Актуальные аспекты педагогики и психологии начального образования				
20-21 апреля 2019 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук				
22–23 апреля 2019 г.	Социально-культурные институты в современном мире				
25–26 апреля 2019 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания				
28–29 апреля 2019 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия				
2–3 мая 2019 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования				
10–11 мая 2019 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире				
13–14 мая 2019 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы				
15–16 мая 2019 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия				
20–21 мая 2019 г.	Текст. Произведение. Читатель				
22-23 мая 2019 г.	Профессиональное становление будущего учителя в системе непрерывного				
	образования: теория, практика и перспективы				

25–26 мая 2019 г. Социально-экономические проблемы современного общества 10–11 сентября 2019 г. Проблемы современного образования 15–16 сентября 2019 г. Новые подходы в экономике и управлении 20–21 сентября 2019 г. Проблемы современная культура: история, актуальное положение и перспективы 15–26 сентября 2019 г. Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения 25–26 сентября 2019 г. Этнокультурная идентичность − фактор самосознания общества в условиях глобализации 1–2 октября 2019 г. Иностранный язык в системе среднего и высшего образования 1–2 октября 2019 г. Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований 12–13 октября 2019 г. Цели, задачи и ценности воспитания в современное состояние и перспективы развития 13–14 октября 2019 г. Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия 17–18 октября 2019 г. Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
10-11 сентября 2019 г. Проблемы современного образования 15-16 сентября 2019 г. Новые подходы в экономике и управлении 20-21 сентября 2019 г. Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы 25-26 сентября 2019 г. Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения 28-29 сентября 2019 г. Этнокультурная идентичность — фактор самосознания общества в условиях глобализации 1-2 октября 2019 г. Иностранный язык в системе среднего и высшего образования 5-6 октября 2019 г. Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований 12-13 октября 2019 г. Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития 13-14 октября 2019 г. Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях 15-16 октября 2019 г. Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия 17-18 октября 2019 г. Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации 20-21 октября 2019 г. Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
10-11 сентября 2019 г. Проблемы современного образования 15-16 сентября 2019 г. Новые подходы в экономике и управлении 20-21 сентября 2019 г. Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы 25-26 сентября 2019 г. Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения 28-29 сентября 2019 г. Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации 1-2 октября 2019 г. Иностранный язык в системе среднего и высшего образования 12-13 октября 2019 г. Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований 12-13 октября 2019 г. Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития 13-14 октября 2019 г. Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях 15-16 октября 2019 г. Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия 17-18 октября 2019 г. Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации 20-21 октября 2019 г. Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
15-16 сентября 2019 г. Новые подходы в экономике и управлении 20-21 сентября 2019 г. Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения 28-29 сентября 2019 г. Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации 1-2 октября 2019 г. Иностранный язык в системе среднего и высшего образования 12-13 октября 2019 г. Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований 12-13 октября 2019 г. Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития 13-14 октября 2019 г. Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях 15-16 октября 2019 г. Дели, задачи и ценности воспитания в современной соотношения и взаимодействия 17-18 октября 2019 г. Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования Современная возрастная психология: основные направления и перспективы направления и перспективы направления и перспективы направления и перспективы направления и
20—21 сентября 2019 г. Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы 25—26 сентября 2019 г. Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения 28—29 сентября 2019 г. Этнокультурная идентичность — фактор самосознания общества в условиях глобализации 1—2 октября 2019 г. Иностранный язык в системе среднего и высшего образования Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований 12—13 октября 2019 г. Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития 13—14 октября 2019 г. Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях 15—16 октября 2019 г. Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия 17—18 октября 2019 г. Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
перспективы 25–26 сентября 2019 г. 28–29 сентября 2019 г. 3тнокультурная идентичность — фактор самосознания общества в условиях глобализации 1–2 октября 2019 г. 4 Иностранный язык в системе среднего и высшего образования 5–6 октября 2019 г. 4 Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований 12–13 октября 2019 г. 4 Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития 13–14 октября 2019 г. 4 Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях 15–16 октября 2019 г. 5 Ичность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия 17–18 октября 2019 г. 4 Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
Практические решения 28–29 сентября 2019 г. Этнокультурная идентичность — фактор самосознания общества в условиях глобализации 1–2 октября 2019 г. Иностранный язык в системе среднего и высшего образования 5–6 октября 2019 г. Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований 12–13 октября 2019 г. Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития 13–14 октября 2019 г. Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях 15–16 октября 2019 г. Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия 17–18 октября 2019 г. Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации 20–21 октября 2019 г. Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
28–29 сентября 2019 г. Этнокультурная идентичность — фактор самосознания общества в условиях глобализации 1–2 октября 2019 г. Иностранный язык в системе среднего и высшего образования 5–6 октября 2019 г. Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований 12–13 октября 2019 г. Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития 13–14 октября 2019 г. Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях 15–16 октября 2019 г. Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия 17–18 октября 2019 г. Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
глобализации 1–2 октября 2019 г. Иностранный язык в системе среднего и высшего образования 5–6 октября 2019 г. Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований 12–13 октября 2019 г. Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития 13–14 октября 2019 г. Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях 15–16 октября 2019 г. Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия 17–18 октября 2019 г. Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
1—2 октября 2019 г. Иностранный язык в системе среднего и высшего образования 5—6 октября 2019 г. Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований 12—13 октября 2019 г. Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития 13—14 октября 2019 г. Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях 15—16 октября 2019 г. Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия 17—18 октября 2019 г. Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации 20—21 октября 2019 г. Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
исследований 12–13 октября 2019 г. Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития 13–14 октября 2019 г. Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях 15–16 октября 2019 г. Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия 17–18 октября 2019 г. Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации 20–21 октября 2019 г. Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
12–13 октября 2019 г. Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития 13–14 октября 2019 г. Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях 15–16 октября 2019 г. Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия 17–18 октября 2019 г. Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации 20–21 октября 2019 г. Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
тивы развития 13–14 октября 2019 г. Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия 17–18 октября 2019 г. Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
13–14 октября 2019 г. Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях 15–16 октября 2019 г. Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия 17–18 октября 2019 г. Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации 20–21 октября 2019 г. Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
15–16 октября 2019 г. Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия 17–18 октября 2019 г. Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации 20–21 октября 2019 г. Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
действия 17–18 октября 2019 г. Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации 20–21 октября 2019 г. Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
17–18 октября 2019 г. Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации 20–21 октября 2019 г. Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
20–21 октября 2019 г. Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
исследования
25–26 октября 2019 г. Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное раз-
витие регионов
28–29 октября 2019 г. Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные
свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2019 г. Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2019 г. Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы форми-
рования и совершенствования.
5-6 ноября 2019 г. Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7-8 ноября 2019 г. Классическая и современная литература: преемственность и перспективы
обновления
15–16 ноября 2019 г. Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2019 г. Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного об-
разования
25–26 ноября 2019 г. История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2019 г. Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных иссле-
дованиях
3–4 декабря 2019 г. Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5-6 декабря 2019 г. Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитраных
наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодич- ность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	 РИНЦ (Россия), Directory of open access journals (Швеция), Open Academic Journal Index (Россия), Research Bible (Китай), Global Impact factor (Австралия), Scientific Indexing Services (США), Cite Factor (Канада), International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), General Impact Factor (Индия), Scientific Journal Impact Factor (Индия), Scientific Journal Impact Factor (Индия), Universal Impact Factor 	 Global Impact Factor – 1,711, Scientific Indexin Services – 1,5, Research Bible – 0,781, Open Academic Journal Index – 0,5, РИНЦ – 0,102.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисци- плинарный	Февраль, май, август, ноябрь	 Research Bible (Китай), Scientific Indexing Services (США), Cite Factor(Канада), General Impact Factor (Индия), Scientific Journal Impact Factor (Индия) 	 General Impact Factor – 1,7636, Scientific Indexin Services – 1,04, Global Impact Factor – 0,884
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	 Research Bible (Китай), Scientific Indexing Services (США), General Impact Factor (Индия) 	• Scientific Indexin Services – 0,72, • General Impact Factor – 1,5402
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	Research Bible (Китай), Scientific Indexing Services (США)	• Scientific Indexin Services – 0,832
Чешскийнаучныйжур- нал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	Research Bible (Китай), Scientific Indexing Services (США)	• Scientific Indexin Services – 0,725
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	Research Bible (Китай), Scientific Indexing Services (США)	• Scientific Indexin Services – 0,75
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	Research Bible (Китай), Scientific Indexing Services (США)	• Scientific Indexin Services – 0,742

ИЗДАТЕЛЬСКИЕУСЛУГИНИЦ «СОЦИОСФЕРА» – VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии (в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России (в выходных данных издания будет значиться –

(в выходных данных издания будет значиться – Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

PUBLISHING SERVICES OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» – VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic (in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ») or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Faculty of Business Administration, University of Economics in Prague
Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences
Penza State Technological University
Penza State University

HISTORY, LANGUAGES AND CULTURES OF THE SLAVIC PEOPLES: FROM ORIGINS TO THE FUTURE

Materials of the VII international scientific conference on November 25–26, 2018

Articles are published in author's edition. The original layout – I. G. Balashova

Podepsáno v tisku 27.11.2018. 60×84/16 ve formátu. Psaní bílý papír. Vydavate llistů 3,6. 100 kopií

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikačni číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika
Tel. +420773177857

web site: http://sociosphera.com e-mail: sociosfera@seznam.cz